

ВЕСТНИК

2-й кв.

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Самотека, 10, Троицкое подворье,
редакция «Вестника Синода».

№ 11 (7)

1926 ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

за 10 №№ 6 руб.

за пять №№ 3 руб.

Цена отдельного №—75 коп.

Наложным платежом журнал высылается
на сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ №

Часть официальная.

1. Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана Св. Синоду.
2. Обращение Св. Синода ПРЦ с призывом к церковному миру.
3. Посещение Св. Синода членами американской делегации.
4. Движения и передвижения по службе с 11 июня 1926 года.

Часть неофициальная.

Отдел церковно-общественный.

1. Грамота Иерусалимского Патриарха Св. Синоду от 9 июля 1926 г. и ее значение.
2. Чего ожидают и чего можно ожидать от грядущего Вселенского Собора.—Проф. С. М. Зарина.

Отдел Научно-Богословский.

1. О благодати священства.—Свящ. К. Смирнова.

Отдел Миссионерский.

1. Секта адвентистов.
2. Богатство православия и нищета сектантства.
3. Из жизни старообрядчества.—Проф. В. З. Белоликова.

Отдел церковной беседы.

1. Слово в день празднов. Смоленской иконы Божией Матери.

Отдел провинциальный.

1. Докладная записка Св. Синоду членов причтов и представителей обновленческих приходов г. Москвы о необходимости и мерах объединения обновленческих церковных сил.
2. Корреспонденция из Борисоглебского уезда, Тамбовской епархии.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана Св. Синоду.

Священному Синоду православной русской церкви радоваться во Христе Иисусе Господе.

Подтверждаем получение за № 1599-м, помеченное датой прошлого мая месяца, послание Ваше.

Со вниманием и с усердием прочли его в переводе при Нашем Священном Синоде.

Это послание Ваше, направленное к нам, чтобы осведомить нас об истинном и действительном положении Церкви в России, и возобновить братский союз с древнейшей Христианской Иерусалимской Церковью,—очень приятно расположило нас и Священный Наш Синод.

Это Ваше послание раскрывает нам, что Священный Синод, всецело стоя на незыблемых основах Вселенского Православия, является стражем и охранителем истинного Православия, считая своих из одной задач в переживаемый момент—оберечь Церковь от вмешательства в политику.

Жизнь Церкви Священный Синод строит на незыблемой почве Св. Писания, Апостольского Предания и постановлений Вселенских и Поместных Соборов. Оберегая родное Православие и являясь единственным законным носителем Высшей Церковной Власти на территории СССР, Священный Синод особенно дорожит и дорожит укреплением тесной братской связи с Автокефальными Православными Церквями.

Эти положения ясно нам показывают, что благодать Божья в полноте и неприкосновенности хранится в Великой России—в Святой и Чистой Православной вере нашей—несмотря на то, что в стране пронеслась страшная и сильнейшая буря, большое междуусобие и переворот.

Также и другие известия, касающиеся начал управления и вообще деятельности Священного Синода в нынешней России и за пределами ее, отрадные и радостные, и нам доставляют

благо и радость и побуждают нас вознести благодарение наше Небесному Основателю Церкви за Святую Церковь Российскую.

Вместе с тем и положение Православной Российской Церкви после столь неожиданно происшедшей в отечестве Вашем социальной революции считаем благим и справедливым и признаем вполне правильным путь, избранный Священным Синодом для обеспечения Православной Церкви мирной жизни в пределах Советской России.

Скорбим вместе с тем, когда видим несогласие, происходящее в Православной Российской Церкви.

От всего сердца Мы молимся, дабы скорее увидеть ее сплоченной, и горячо умоляем и просим Вас в любви Христовой употребить усилие и особенную энергию, чтобы наступило общее единение, согласие и любовь в Святой Православной Российской Церкви.

Св. Христова Церковь особенно теперь нуждается в единении и мире: «тяжелое теперь время и много врагов»,—повторяем эти бессмертные слова Св. Златоуста.

Будьте уверены в нашем расположении, общем с мнением всего Священного Синода Старейшей Матери Церкви, и радостном желании быть в общении со Святою Церковью Православной в России, и эти свои братские пожелания, подтверждающие это общение, мы сделаем более близкими чрез возобновление представительства Сионской Церкви в г. Москве.

При этом мы горячо молимся о твердой непоколебимости и постоянном возрастании Святой Церкви в России, посылая Священному Синоду Наш братский привет во Христе Господе, молитвы и благословение.

В св. Граде Иерусалиме 1926 г. Июля 9.—Патриарх Иерусалимский Дамиан.

НЧ

Обращение Св. Синода Р. П. Ц. с призывом к церковному миру.

Богомудрые Архипастыри и Пастыри, возлюбленные чада Церкви Православной, мирспвуйше о Господе.

Слышите ли Вы плач Церкви, вспоминаете ли Вы слово ее Законоположника — «Мир Мой даю Вам...» — «Заповедь новую даю вам — да любите друг друга». — Вдумываетесь ли Вы в события, происходящие в Церкви. Не кажется ли Вам, что все мы должны бы переживать теперь те же чувства, которые волновали Апостолов, когда они переправлялись в лодке со Христом через бурное озеро. Тогда они в опасную минуту всем существом своим потянулись ко Христу, — они воскликнули — «Спаси, Наставник, погибаем». И стихло волнение и наступила тишина. А ныне взволновавшееся море церковное дошло до самых его глубин. И никто не взывает ко Христу: одни — старейшие по возрасту и сану архипастыри — слятся сами, без Христа, своими силами, остановить церковную волну, другие — пасомые — помогают им в этом. А все самодовольно заявляют — с нами Христос. Мы стоим, говорят они, как Аввакумы, на страже благочестия. И не видят, и не хотят замечать, что каждый «новый Аввакум» лишь прибавляет к нестроению церковному разруху. В своем устремлении к спасению Церкви от мнимых ересей и расколов они доработались до того, что, кажется, утратили и самое понятие о Церкви и об ее назначении. В самом деле, правверующие, слышите ли Вы от своих духовных руководителей призыв к стоянию за Церковь, за веру подлинно-православную? Не правда ли, ведь только и толков теперь о местоблюстительстве патриаршего престола, и о том, кто охраняет его. На место Церкви поставлен ныне патриарший престол, а на место Христа — местоблюститель патриарха. А что же с верой православной? Не чувствуется ли в ней католический дух? Там все папа, здесь — все местоблюститель патриарха. Там — истина в папе, здесь — в местоблюстителе. Православие теперь расценивается у нас не правдой Христа и Его вероучением, а местоблюстителем и его действиями, при чем не обращается никакого внимания на то, кто он, какова его жизнь и каковы его действия. Исчерпывающим мерилom его православия является единственный признак — благословлен ли он умершим бывшим патриархом Тихоном и его первым местоблюстителем. Если нет, значит он и все его последователи не православны — они или еретики, или раскольники. Если в основании ратующих за православие лежит католический принцип, то и следствие из него однородно. В католичестве папский произвол, новые обычаи и даже догматы, и здесь — местоблюстительский произвол, новая церковная практика, в разрез идущая с древней, и извращение веро-и-нравоучения. Вместо Христа и Церкви — патриарх или его местоблюститель, вместо любви и всепрощения, — непримиримая злоба; вместо святительского смирения — чрезмерная гордость, вместо призыва ко Христу и покаянию пред Ним, — приглашение к местоблюстителю патриарха и покаянию пред ним. Вместо Христова — «мир имейте» — поддерживайте взаимную злобу. Все, все стало не от Христа и Его Духа, а от человека и человеческого духа. Проснулась гордость в человеке и стремление к власти и обладанию людьми. Являются новые и новые претенденты по охране патриаршего престола. Все, хотя бы и немного восприявшие от благодати патриаршего благословения и его первого местоблюстителя митрополита Петра, а таких,

повидимому, немало, — считают себя единственно законными местоблюстителями и спасителями Церкви. Начинается между ними борьба. Они апеллируют к народу, ставя его судиею церковно-подлинного священноначалия. Благодать взвешивают и измеряют, забывая, что, по Христу, «кто хочет быть первым, должен быть слугою всех».

«Кто ненавидит брата, тот лжец». Они забывают и основной закон Церкви Православной, всегда и всюду всеми признаваемый, что в прекословиях и нестроениях церковных, по завету Христа и Апостолов, следует обращаться к Собору, как к крайнему судии, а не к народу, теперь к тому же непредставляющему собою единства. Не раз мы напоминали им об этом, не раз мы звали на соборный путь и покойного патриарха Тихона и его местоблюстителя митрополита Петра. Но они оставались глухи к соборноправности и предпочитали голос народа гласу Божию. Им выгоднее было ранее, да очевидно и теперь, судить нас без нас и в делах церковных разбираться по человечески, без волеизъявления Духа Святого. И заинтересованная грешная воля человека логически тем только блага для себя (у нас для патриарха или местоблюстителей его), и горечи для Церкви. Такого явления в церкви Православной не бывало еще никогда, еще никогда так не нарушались церковные нормы, как со времени последнего патриарха. Об этом мы вам напоминаем и настойчиво предлагаем, оставив прекословие, возвратиться к соборноправному церковному строю. Дальнейшее забвение и игнорирование этой единственно истинной нормы церковной погубит Церковь и тем самым, рано или поздно, отнимет благополучие и от тех, кто им так дорожит. Довольно злобы, довольно раздражать Церковь Христову! Пора положить предел человеческой злобе. Пора вспомнить предостережение апостола Павла «во взаимной злобе не поешьте друг друга». Мы и так уже стали посмешищем у народа и неверующих. Пора же нам всем опомниться. И первыми должны прийти в себя те, кто считает себя и считается другими местоблюстителями. Вы, местоблюстители! Явите же собою пример Христовой любви и смирения. Сами остановитесь в злобе и образумьте озлобленный народ. Перестаньте сеять вражду и призывайте всех к миру, иначе можно пожать бурю. Внушайте эти чувства вашим пастырям, а они передадут их народу. И тогда желанный мир к тоскующим по правде Христовой придет сам собою, и будем снова все едино. Делайте дело Божие, а не дело человеческое. Восстаните, идем — на запущенную всеми нами ниву Христову, — там ныне, как никогда, растут плевелы. Жатвы много, делателей мало. Зерна высыплются и рассыпаются, а иные — чуждые нам подбирают и собирают их. Овцы рассеиваются, пора нам встать на стражу и на страже, но прежде для успеха мы должны связаться в братский союз любви. Итак, мы зовем вас к Собору и соборноправности, а через них — к правде Божией, к миру церковному.

Откликнетесь же на наш призыв и не дайте злобе окончательно пленить Ваш разум: «гневайтесь, но не согрешайте» — предупреждает ветхозаветный учитель. «Любите и врагов ваших» — внушает единый божественный Учитель всего человечества — Христос.

Посещение Священного Синода членами американской делегации.

6-го текущего августа в 8 часов вечера Св. Синод посетили члены находившейся в Москве делегации американских промышленных и общественных деятелей, в количестве 9 человек, в сопровождении профессора Ю. Ф. Геккера, в составе следующих лиц:

Бинскалед — Настоятель Чикагского Епископального Собора, Морисон — Редактор журнала «Христианский Век», Пейж — Редактор журнала: «Мир завтрашнего дня», Аксон — Настоятель Церкви всех наций в Анжелес в Калифорнии, Каротерс — Профессор университета из Калифорнии, Левис — Профессор из Иельского университета, М. Спинка — Профессор Чикагского Университета и Д. Стикман — квакерша.

Члены делегации интересовались положением Православной Церкви в России, предлагали вопросы и обещали оказать свое

содействие к получению материальной помощи из Америки преимущественно на нужды богословского просвещения.

В частности, были предложены следующие вопросы:

- 1) Чем может помочь американское общество Русской Церкви;
- 2) Способствует ли обновленческое течение сближению с инославными христианскими исповеданиями;
- 3) Устоит ли Православная Русская Церковь перед натиском антирелигиозной пропаганды;
- 4) Как смотрит Синод на живое слово. Этот вопрос был обращен непосредственно к о. протопресвитеру П. Красотину, как преподавателю практики проповеди;
- 5) Возможна ли активная христианская деятельность Церкви при современных условиях государственной жизни.

На означенные вопросы ответы давали присутствовавшие члены Св. Синода: митрополит Вениамин, митрополит Серафим, протопресвитер П. Красотин и профессор С. М. Зарин.

При приеме делегации участвовали также находившиеся в Москве студенты Московской Богословской Академии, к ко-

торым некоторые из членов делегации обратились с вопросом: имеют ли успех их публичные выступления на апологетические темы.

Ответ дал студент диакон Сорокин.

Движения и передвижения по службе с 11 июня 1926 года.

1. Архиепископ Рязанский Сергей, согласно прошения, назначен викарием Сталинградской епархии, с освобождением его от управления Рязанской епархией (11 июня).

2. Временное управление Рязанской епархией поручено епископу Касимовскому Алексию, викарию Рязанской епархии (11 июня).

3. Епископ Охтенский Николай, викарий Ленинградской епархии, назначен временно правящим Новгородской епархией, с возведением в сан архиепископа Охтенского и с перемещением на вторую викарную кафедру, за его отлично-усердную службу (25 июня).

4. Епископ Александр быв. Тихвинский, викарий Череповецкой епархии, назначен епископом Валдайским, викарием Новгородской епархии (29 июня).

5. Архиепископ Аристарх, согласно избрания Епархиальным Съездом, утвержден правящим Оренбургской епархией (16 июля).

6. Епископ Василий, согласно избрания Епархиальным Съездом, утвержден правящим Курганской епархией, с возведением в сан архиепископа (21 июля).

7. Архиепископ Михаил (Фивейский) освобожден от управления Нижне-Тагильской епархией (27 июля).

8. Архиепископ Серапион, согласно избрания Уральским Областным Съездом, утвержден правящим Нижне-Тагильской епархией и заместителем председателя Уральского ЦУ (3 августа).

9. Временно правящим Воронежской епархией утвержден епископ Новохоперский Василий (27 июля).

10. Епископ Арсений утвержден правящим Саратовской епархией, с возведением в сан архиепископа (3 августа).

11. Митрополиту Ленинградскому Вениамину предложено именоваться „митрополитом и всея Северо-Западной области“ (3 авг.).

12. Постановлением Священного Синода П. Р. Ц. от 3 августа с. г. Охтенское викариатство, Ленинградской епархии, упразднено.

Архиепископу Николаю (Платонову) именоваться архиепископом «Гдовским», в качестве 2 викария Ленинградской епархии.

13. Пятигорская епархия переименована в Терскую (10 августа).

14. Архиепископ Николай освобожден от управления Уфимской епархией (20 августа).

15. Архиепископ Алексей назначен правящим Уфимской епархией (20 августа).

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана Священному Синоду от 9 июля 1926 года и ее значение.

Опубликованная в настоящем номере «Вестника Св. Синода» грамота Иерусалимского Патриарха Священному Синоду бесспорно представляет собою событие огромного значения, факт перво-степенной важности, явление в высшей степени характерное и знаменательное—и для сторонников Св. Синода, и для его противников: как самая форма обращения Патриарха, так и особенно его содержание говорят очень и очень многое.

Для Св. Синода такое обращение Патриарха Дамиана, впрочем, не было какою-либо неожиданностью. Напротив, патриаршая грамота является вполне естественным звеном в последовательной цепи постепенной, можно сказать, с закономерной последовательностью, развивающихся, все более и более расширяющихся и углубляющихся, нормальных взаимоотношений Св. Синода с Православными Автокефальными Церквями. Лишь только ход объективных условий открывал возможность беспрепятственных сношений Св. Синода с Православными Автокефальными Церквями, осуществлялось, по мере ознакомления с действительным положением Православной Церкви в пределах СССР, расширялось и укреплялось каноническое общение Св. Синода с Православными Восточными Патриархами. До настоящего момента такое общение делалось уже вполне регулярным и вошло в норму по сношениям Св. Синода прежде всего с Константинопольским Патриархом, а затем и с Патриархом Александрийским. Представители того и другого архимандрит Василий Димопуло и архимандрит Павел Катаподис являются почетными членами президиума Св. Синода. Ни одно сколько-нибудь важное событие в жизни Православной Российской Церкви,— Поместный Собор, собрание Пленума Св. Синода и под.—не обходилось и не обходится без сношения Св. Синода с Патриархами Константинопольским и Александрийским, не происходит без взаимного осведомления, без апробации и благословения важнейших деяний Св. Синода со стороны Патриарха Константинопольского, как Патриарха Вселенского.

Все это, казалось бы, обеспечивает непререкаемый авторитет Св. Синода, как единственного правомочного и канонически

закономерного представителя Православной Церкви в пределах СССР. Все эти бесспорные факты, казалось бы, должны «заградить уста» всех худителей Св. Синода, укрепить всех колеблющихся и сплотить всех православно верующих вокруг Св. Синода, как своего истинного вождя и законного представителя для нормального строительства при современных условиях пошатнувшейся и ослабшей церковной жизни.

Однако, многим и многим примириться с неприятною им действительностию не хотелось бы. Скрепя сердце, даже и враги Св. Синода должны были признать факт такого канонического общения Св. Синода с поименованными Восточными Патриархами, но, чтобы ослабить все огромное значение этого факта, им приходится набрасывать тень подозрения и осуждения уже на самих Патриархов Константинопольского и Александрийского. Кроме того, им оставалась возможность сослаться на Патриарха Иерусалимского, который, говорили, не только не состоит в каноническом общении со Св. Синодом, но будто бы осуждает Св. Синод и его деятельность. И вдруг, — как снег на голову как гром на безоблачном небе,—эта грамота Патриарха Дамиана, составленная в духе братской любви и доверия, содержащая прямое одобрение деятельности Св. Синода и благословение на продолжение его церковно-общественной деятельности в принятом направлении.—«Факт—упрямая вещь», и бороться против него—значит, по библейскому выражению «прать против рожна». Официальному обращению Патриарха Иерусалимского и состоящего при нем Св. Синода к Св. Синоду предшествовало обращение неофициальное. Патриарх Дамиан выражал сожаление, что он по неосведомленности некоторое время считал староцерковников представителями истинного Православия и даже являл им некоторые знаки своего патриаршего внимания. Но, по ознакомлении с действительным положением дела, Патриарх со своим Св. Синодом убедился в своей ошибке и пожелал войти в каноническое общение именно со Св. Синодом, как единственно правильною и законною канонически церковною организацией в пределах СССР. В ответ на это последовало обращение

Св. Синода Православной Российской Церкви к Патриарху Дамиану от 10 мая 1926 года, с изложением важнейших моментов жизни Православной Церкви в пределах СССР и характеристикой основных начал, целей, задач и методов своей деятельности. По надлежащем обсуждении всех обстоятельств дела и по сношении с другими Восточными Патриархами, Патриарх Дамиан и препроводил публикуемую в настоящем номере грамоту. Она является, следовательно, плодом продолжительного и обстоятельного испытания со стороны Патриарха и находящегося при нем Св. Синода всех фактов и обстоятельств жизни Православной Церкви в пределах СССР за последние годы, результатом всестороннего их обсуждения. Нет никакой возможности ссылаться и на то, что Патриарх Дамиан не имел возможности получить осведомление о состоянии церковных дел в пределах СССР в освещении, неблагоприятном для Св. Синода, что не был услышан голос его противников, не было раскрыто пред Патриархом обоснование и апология т. н. староцерковничества. Всем известно, что в Иерусалиме проживает эмигрировавший за границу б. архиепископ Кишиневский Анастасий, рассылающий по некоторым епархиям враждебные Св. Синоду и клеветнические послания. Уж он-то, конечно, не приминул, пользуясь удобством своего положения, довести до сведения Иерусалимского Патриарха и обосновать всеми свойственными ему методами точку зрения, враждебную Св. Синоду, попытаться очернить его деятельность, ничем не стесняясь. И однако Иерусалимский Патриарх, стоя на объективной и при том исключительно церковной точке зрения, не имея побуждений солидаризоваться во что бы то ни стало с врагами нового социального строя в пределах СССР, не внял голосу клеветников и решительно стал на сторону Св. Синода. Это слово—по истине веское слово. То, что оно является только теперь, по истечении довольно значительного периода времени, когда Св. Синод не только декларировал свои лозунги и наметил свои основные задачи, но и успел уже в значительной степени осуществить их—приобретает особенно важное значение. Здесь не может быть

и речи о каком-либо недоразумении, о каких либо недомолвках. И действительно, грамота Патриарха Дамиана составлена в совершенно определенных выражениях, в тоне, недопускающем никаких перетолкований. Следует сказать каждому верному сыну Православной Церкви: слыши и приклони ухо твое... оставь всякое прекословие. Довольно склоки, вражды, клеветы, ненависти и т. п.,—довольно.

До каких же пор будет продолжаться бессмысленное упрямство?

Не сомневаемся, что грамота Патриарха Иерусалимского Дамиана вразумит многих, кто не желает явно противиться истине.

Иерусалимская кафедра—авторитет действительно великий и священный. С Иерусалимом соединены священнейшие для христианина воспоминания. Голос Патриарха Иерусалимского звучит действительно не только авторитетно, но и отечески, даже матерински, трогательно. Недаром сам он именует Иерусалимскую церковь—«Материю Церквей».

Что же эта Мать-Церковь заповедует своим духовным детям, верным истинному Сиону? Церковный мир и признание правоты Св. Синода, правильности избранной им линии церковно-общественного поведения в современных политических и социальных условиях.

Св. Синод чувствует высокую нравственную поддержку «Матери Церквей», с глубокою благодарностью принимает ее одобрение, благословение и благопожелания. Ужели и теперь, в этот знаменательный, по истине исторический момент верующие Православной Церкви не последуют призыву Патриарха Дамиана к прекращению преступной вражды и искусственно, недобросовестно создаваемого Церковного разделения?

Не хочется верить, что противники Св. Синода могут дойти до такого явного и открытого противления истине и будут продолжать не созидать, а разрушать великое дело явления подлинного спасающего Лица Христова, подлинной Правды Его Царства, современному страждущему и мятущемуся человечеству.

Чего ожидают и чего можно ожидать от грядущего Вселенского Собора.

Религиозное сознание верующих всех Православных Церквей в настоящий момент—несомненно—в значительной мере определяется ожиданием обещанного и подготовляемого Вселенского Собора. К нему устремляются надежды и чаяния очень и очень многих пастырей и простых верующих,—нередко,—следует сознаться,—преувеличенные и даже неправильные. «Все мы сейчас—в чаянии Вселенского Собора,—пишет один из корреспондентов в редакцию. В период всеобщего колебания и шатания, гред лицом небывалого острого идеологического кризиса в одну из тех жутко-загадочных эпох, когда человечество делает, вместо шага, прыжок в неведомую будущность, взоры всех, дорожащих истинно-религиозными ценностями, с великим упованием обращены на Собор. Каждое верующее сердце надеется получить от него то, что ему потребно и доступно, ибо, судя по его программе, все содержание церковного сознания от узких кодификационных вопросов до философских основ христианства должно получить на Соборе высокоавторитетную рецепцию. И я лично особенно надеюсь на то, что, ремонтируя и украшая здание Церкви, Собор прежде всего обратит внимание на его фундамент, подаст мятущейся христианской мысли твердую непоколебимую основу, объединяющую все разветвления в этой мысли, оживотворит «духовного человека» в человеке, оросит уже почти засохшие в его душе семена веры и добра—словом, приблизит «христиан» к христианству. Конечно, выполнение таких великих задач возможно лишь при водительстве Собора Божественным Разумом, и я твердо верю, что деяния Грядущего Собора явятся прямым выражением воли Главы Церкви Христа, Который, по Его обетованиям, не может быть чужд Вселенскому Собору». В этих словах сказывается настроение искреннее и—несомненно—благочестивое. Однако, догматическая точка зрения должна быть восполнена исторической, язык чувства и настроения должен быть переведен на язык богословских понятий и суждений, основанных на фактах из истории церкви, Таинственно-мистическая сторона христианства как в личной жизни каждого в отдельности христианина, так и в устроении жизни церковно-общественной не исключает и не ослабляет момента сознательно-свободного творчества, личных и обще-

ственных усилий, трудов и подвигов. Глава Церкви Христос Спаситель обетовал свое благодатное соприсутствие собранию верующих, однако это великое обетование ни в коем случае, конечно, нельзя понимать как-либо механически или магически. «Где двое или трое собраны ВО ИМЯ МОЕ, там и Я посреди их». Собрание «во имя Христово», принимая во внимание всю глубину и полносодержательность этого понятия, означает не одно только веру, хотя бы искреннюю и глубокую, обратившихся, но и проникновение всего их настроения, всей их жизнедеятельности началами Христовой Правды,—иначе говоря, веру, «любовию поспешествуемую». Тот же Христос Спаситель, Который даровал это великое и утешительное обетование, дал и предостережение против его формального понимания. «Приближение» ко Христу одними устами, одним корректным догматическим исповеданием, правоверием, но с сердцем холодным к ближнему, не алчущим и не жаждущим Правды Царствия Христова на земле, как и на небе,—ведет к удалению Христа от таких Его последователей. Напрасны упования на благодать Христову при условии собственной и общественной пассивности. «Царствие Божие силою берется, и только употребляющие усилие восхищают его». Святоотеческое богословие, раскрытое такими авторитетными богословами, как преосв. Феофан, Вышенский затворник, слишком ясно подчеркивает ту мысль, что достижение спасения осуществляется лишь при условии «трудности» человека. Благодать же Христова действует совместно и нераздельно с этим подвигом человека. Спасение есть акт не односторонний, только мистический, но двусторонний где «нераздельно но и не сливаемо» осуществляются оба момента: благодатно-мистический и нравственно-свободный. Не иначе, конечно и в жизнедеятельности церковной, в частности, при осуществлении соборного начала. Наше богословское образование было всегда слишком односторонним: ему не доставало строго-научного исторического базиса. Многие наивно представляют себе Вселенский Собор как такое собрание епископов, в коем одна чисто формальная сторона, как бы самый факт их объединения в известном месте для решения того или иного церковного вопроса, уже гарантировал и гарантирует безошибочность такого решения, его бесспорный,

догматический авторитет. Такое представление неправильно в корне. Кто хочет иметь надлежащее представление об историческом значении Вселенского Собора, без чего не может быть уяснен и его догматический авторитет,— тот должен познакомиться с трудами о Вселенских Соборах проф. А. П. Лебедева и — особенно — с лекциями академическими проф. В. В. Болотова. Справедливо и утешительно верующему уповать на Вселенский Собор, но непозволительно впадать в квинтизм, успокоиться, и со своей стороны ничего не предпринимать. Каждому из Вселенских Соборов предшествовала, его сопровождала и за ним следовала поистине колоссальная творческая богословская работа. Работа эта имела, конечно, не один теоретический интерес и характер, — здесь, конечно, происходит и теоретическая чисто научная и богословско-философская работа, но она сопровождалась и огромным подъемом религиозно-нравственного практического подвига — отрешением ума и сердца от всего узко-эгоистического, утилитарно-практического. Недаром великие богословы, защитники православия против ереси, были и людьми великого религиозно-нравственного подвига, каковы всем известные и славные имена св. Афанасия в., Василия в., Григория Б. и др. Такая творческая работа находила свое отражение и в живой заинтересованности всего тогдашнего христианского общества вопросами, для уяснения коих собирались и Вселенские Соборы. Об этом свидетельствует, например, Григорий Богослов, когда отмечает уже и неизбежные крайности в подобных общественных движениях. Я захожу — говорит святитель, — в лавку купить на несколько оболов хлеба, а мне продавцы задают вопрос: «Сын рожден или сотворен». Вопросы эти соответствовали не только богословским, но и философским интересам той эпохи. В области религиозно-богословской стремились установить как бы равновесие между двумя господствовавшими тогда направлениями философской мысли: идеалистическим мировоззрением Платона и реалистическим направлением научной мысли, намеченным в философской системе Аристотеля. Но так как эти два основных философских направления являются типическими для философской мысли вообще, которая во все последующее время лишь углубляла данные в них точки зрения, — то значение догматических определений Вселенских Соборов лежит не в одной только богословской сфере мысли, но и в философской. Недаром Н. М. Минский, безызыскный поэт и философ идеалистического направления — на первых религиозно-философских собраниях свидетельствовал, что он сделался христианином, изучая деяния Вселенских Соборов и находя в них именно философскую глубокую значимость... Историю догматов, как собственно историю философской мысли, рассматривает известный протестантский богослов Адольф Гарнак в своей многоученной, к сожалению, чисто рационалистически построенной научной работе. «Нередко приходилось нам слышать, — пишет проф. М. Д. Муретов, — что Православие есть искусственное только и лишенное своего собственного положительного содержания отрицания двух противоположностей, — бессодержательная точка безразличия между двумя полюсами... В сущности же этим высказывается глубочайшая истина Православия. Истина, как и сама жизнь, именно и состоит в середине между крайностями идеализма и реализма. Определяется она теми краями, в которых идея становится вещью, т. е. совершается жизнь, — и за которыми начинается туманная область отвлеченных идей с одной стороны, и неподвижная сторона мертвых вещей, с другой стороны. Если отвлеченная идея, сама в себе, отрешена от предмета и жизни, есть фантом, неуловимый как греза, постоянно колеблющийся, видоизменяющийся и рассеивающийся в тумане абстракции — то, напротив, предмет, ставший вещью, или *res*, т. е. лишившийся своей идеи и жизни, есть окаменелость, с определенными неизменно-правильными геометрическими формулами, подлежащими всевозможному произволу экспериментации. В середине между этими крайностями стоит истина жизни. Истина и жизнь не могут быть разрешаемы в чистую идею без того, чтобы не потерять в тумане отвлеченного небытия, — как не могут быть они превращаемы и в вещь без того, чтобы не обратиться в неподвижно мертвую окаменелость. Истина, как и сама жизнь, занимает средину между неустойчивостью идеи и неподвижностью вещи. Истина, как и сама жизнь, не может быть заключена в одну неизменную формулу, определена одною геометрической фигурой и быть обращена в отчетливо-правильный кристалл. Это — особенность только мертвых вещей. Как и сама жизнь, истина имеет только общие пределы или известные типические черты, за которыми начинаются крайности заблуждений, но в пределах которых она есть подвижная, живая действительная сила. Определять поэтому истину, как и жизнь, можно

только догматически, указанием тех предельных черт, за коими начинается ложь — определением типа, канона, правила общего, а не тех частных, подвижных и неуловимых видоизменений и применений, которые свойственны всякой живой и действительной истине». (Проф. М. Д. Муретов, Эрнест Ренан и его Жизнь Иисуса. СПб, 1907, стр. 116—117).

Отсюда догмат, как результат религиозного опыта, как продукт религиозно-философской мысли, имеет свою историческую оболочку, свою подвижную изменяющуюся сторону. В догмате заключается не только неизменная сторона, т. е. вечная мысль Божественного откровения, но и сторона историческая, как коллективное стремление ясности и определенности, пользуясь всеми достижениями научно-философской мысли, эту истину формулировать, приблизив ее к человеческому разумению людей известной культуры, известной исторической эпохи.

С этой точки зрения разрешается и недоумение того же самого корреспондента, а также и недоумение многих, — «вопрос о взаимоотношении Собора, как органа откровения Св. Духа, и народа, как Тела Христова». «Обычное мнение, — продолжает тот же корреспондент, — высказываемое и на страницах «Вестника» (ст. прот. Н. Г. Попова) утверждает, что достоинство Соборов определяется последующим одобрением, признанием их со стороны народа. Как это понимать? Если внутренняя ценность Собора позволяет ему произнести священное «изволися Духу Святому и нам», для чего нужно еще народная «цензура»? Если же благодать церковного строительства почует на народе, если ему вверено верховное распоряжение идейной сокровищницей христианства, то не аннулируется ли этим роль Соборов. Что-нибудь одно: или Собор есть высший и единственный критерий церковного самосознания, организующий и одушевляющий «тело Христово», или же он — только безличный исполнительный орган какого-то неопределенного расплывчатого «народа» в гегелевском духе. Скажут, что народ это — не *ὄχλος*, *λαός* или *ἄνθρωπος*, — не народ — масса, толпа, а *ἐκκλησία*, т. е. организованный коллектив, Церковь. Но разве Собор не является высшей совершеннейшей формой этого коллектива, по которой должны равняться все остальные. То правда, что народ-Церковь есть тело Христа; но ведь всякое тело лишь до тех пор может считаться здоровым, пока члены сохраняют полную зависимость от мозгового аппарата, но не наоборот».

Здесь — полная неясность представлений и совершенная путаница понятий. Церковный народ противопоставляется Вселенскому Собору, а между тем он сам именно действует на Вселенском Соборе, поскольку отцы Собора — епископы — представляют на Соборе свою паству, выражают верования, чаяния и устремления именно своей паствы.

Анализируя послание известного церковного историка Евсевия Кесарийского, написанное им своей пастве после и по поводу первого Вселенского Собора, проф. В. В. Болотов пишет: «это послание важно для выяснения древнего отношения верующих к Вселенским Соборам. Епископы являлись на собор за свидетельствовать не свои собственные богословские воззрения, а веру своей церкви и только выразить ее в известной форме, отвечающей на богословский вопрос, поставленный в данном случае. Естественно, таким образом, что для всякого присутствующего на соборе отца было важно, чтобы эта общая вера изложена была так, чтобы ее согласие с предшествующими символическими памятниками было бесспорно, так как епископы должны были показать своей пастве, что новый собор ничего не изменил в ее вере и что они, возвращаясь к ней, и теперь преподают то же самое учение, что и прежде. Таким образом Евсевий Кесарийский должен был показать своей пастве, что на Никейском Соборе принято то же самое учение, которое он возвещал ей и раньше». (Проф. В. В. Болотов. Лекции по истории Древней Церкви, IV. История Церкви в период Вселенских Соборов, III. История богословской мысли. Петроград, 1918 г., стр. 34—35, примечание). Во всяком догматическом определении Вселенского Собора было, таким образом, нечто новое, по сравнению с прежним изложением веры в древне-церковных символах, — иная формулировка истины божественного откровения, изложение ее в терминах богословско-философских, как результат предшествующего богословско-философского развития. Вот почему проф. В. В. Болотов говорит, что «история вселенских соборов входит именно в историю богословской мысли» (Цит. кн., стр. 1). Понятно, что «церковный народ» для признания Собора авторитетным должен был удостовериться в том, что новая формулировка исповедуемой им истины веры, представляя собою шаг вперед в богословском отношении, не вносит никакого изменения в существо, во внутреннее содержа-

ние этой истины. Бесспорных же формальных гарантий для решения вопроса, что собравшийся собор имеет авторитет «Вселенского», — как известно, — не было. Вопрос, можно сказать, раскрылся по существу, а не по форме. Эта мысль достаточно раскрыта в лекциях проф. В. В. Болотова. Следовательно, вполне прав проф. протоиерей Н. Г. Попов, когда он пишет: «не форма созыва Соборов и не состав их служат свидетельством истинности их определений, но их согласие с Писанием и Преданием является единственным мерилем их православия, в отличие от других, по способу созыва, по форме и по составу вполне однородных с ним, однако не принятых Церковью».

Ясно теперь, почему исторически Вселенский Собор получал признание далеко не сразу повсюду, почему происходила вокруг него даже борьба, далеко не всегда имевшая в своей основе «ересь». «Отцы Никейского (т.е. Вселенского Собора) возвратились к своим паствам не с одинаковым настроением духа. Все они (за исключением арианствующих) были убеждены, что арианство осуждено справедливо, но не всем была присуща уверенность, что полемические средства, как «из существа Отца» и единосущный, не заключают в себе опасной крайности. Догматическая победа над арианством, одержанная на Никейском Соборе, опередила собою победу историческую. Нужно было твердо упрочить в богословском сознании достояние никейской веры и очиститься от всех тех осадков, которые были аналогичны с арианством. Поэтому прошло более полувека, прежде чем на Константинопольском соборе отмечено было и это историческое торжество над арианством» (цит. соч., стр. 41—42).

«Никейский Собор высоко поднимается над обычным уровнем догматического понимания своей эпохи. Учение о предвечном рождении единосущного Сына Божия из существа Отца убивает не только арианство, но и отличный от него в главных пунктах устарелый субординационизм прежних церковных писателей. Почва для глубокого усвоения никейского вероучения еще не была вполне подготовлена, и для многих христиан, воспитавшихся на существовавшей к тому времени теории, процесс внутреннего самоочищения был совершенно необходимостью. Проницательный взор вождей православия в 325 г. постиг все содержание арианской доктрины, диалектически извлек из нее таившиеся в ней следствия, которые исторически вышли наружу лишь спустя 30 лет... Никейский символ встречен был враждебно-немногими, равнодушно-многими» (стр. 119).

«Вообще в богословии,—читаем мы в вышеуказанном издании лекций проф. В. В. Болотова,—замечается волнообразное движение в области богословской терминологии, замечается после повышения и терминологическая отсталость. Излагаемые споры сопровождались успехами по терминологии о Троице; по отношению к христологии дело остановилось на точке развития эпохи первого Вселенского Собора. Не было бы никаких последующих ересей, если бы уже на первом Всеенском Соборе была установлена точная богословская терминология» (стр. 38). Но в том-то и дело, что в богословском отношении каждый Вселенский Собор отвечал прежде всего и прямо только на тот вопрос, который ставился современными ему богословско-философскими запросами. Отсюда Вселенский Собор был не один, а было Соборов, признанных в достоинствах «Вселенских» — семь. Отсюда вытекает также, что может и должен быть и восьмой и последующие Вселенские Соборы. Все зависит от объективных условий, позволяющих фактическое собрание таких соборов, вопросов же, апеллирующих к решению таких авторитетных соборов, всегда было и есть достаточно. История богословской мысли первых веков христианства, захватывающая деятельность Вселенских Соборов, представляет собою комментарий на слово «богочеловек» и слагается из двух периодов: Триадологического (о Св. Троице) и христологического (о достоинстве и природе Христа Спасителя). Ясно, что указанные вопросы — самые важные и основные, однако ими далеко не исчерпывается все содержание христианского вероучения. При этом знаменательно, что и к неправомыслию догматическому ведет часто не прогресс в богословском отношении, а именно отсталость в этом смысле. Так, по свидетельству проф. В. В. Болотова, «в учении о Св. Духе мы расходимся с латинянами именно в терминологии. Восточные богословы в терминологии сделали шаг вперед и стали на точку зрения Василия В. У них как рождение Сына, так и исхождение Св. Духа представлялось как *actus substantiae*. Поэтому для них естественным было требование, чтобы и Сын мыслился, как изводящий Св. Духа, ибо Существо Отца и Сына одно и то же. Таким образом, между нами и латинянами различие за-

ключается в глубине мысли: для нас исхождение Св. Духа есть акт ипостаси, а для латинян — акт существа» (цит. соч., стр. 31).

Однако, Вселенские Соборы собирались и могут собираться не по поводу одних только ересей и не только с целью догматических вероизложений. «Но шаблонному убеждению,—говорит тот же гениальный церковный историк В. В. Болотов,—принято думать, что Вселенские Соборы созывались непременно по поводу ересей, и за неимением в данном случае (созвание второго Вселенского Собора) какой-либо определенной ереси связывают этот собор с ересью Македония. Собрание второго Вселенского Собора было обусловлено отчасти некоторыми догматическими вопросами (по поводу ариан), и главным образом практическими вопросами, именно: а) вопросом о замещении константинопольской кафедры и б) выяснением дела об антиохийской кафедре» (стр. 108).

Таким образом, ясно, что при правильном течении церковной жизни не может быть и речи о ненужности собора, взятого в максимально широком масштабе, привлекающего возможно большее число представителей, единомышленных, по крайней мере, в основных вопросах христианской мысли и жизни, в наиболее существенных христианских устремлениях и идеалах.

Вопрос о Вселенском Соборе возникает и в настоящий момент, след., не с принципиальной точки зрения, а со стороны его практической осуществимости, а равно — в отношении тех форм, в кои может воплотиться его организация и вылиться его работа при современных условиях.

Как известно, самое наименование «вселенский» в греческом подлиннике отсылает к идее и факту единой римской империи, охватывавшей весь тогдашний цивилизованный мир. Единая политическая организация гарантировала возможность созыва соборов, обнимавших возможно широкое представительство от тогдашних церковных организаций. Римские императоры, провозгласив себя «епископами внешних дел» церкви, стремились к достижению церковного мира, когда он нарушался, и к прекращению церковных волнений, когда они вызывались догматическими и иными разномыслиями. В этом обстоятельстве соборное начало церковной жизнедеятельности, присущее Церкви изначала, освященное — как нормой на все будущие века — примером Апостольского Собора, получает благоприятные внешние условия для своего максимального развития. Так возникла и осуществлялась историческая форма Вселенских Соборов, связанная — несомненно — по своей внешне-технической и организационной стороне — с условиями тогдашней государственности. Императоры своими декретами приглашали епископов на собор, и приглашенные должны были на него являться, так что гарантировалось представительство на Соборе различных, борющихся между собою, направлений. Императоры обеспечивали и все внешние удобства соборной работы, доставляли, — иногда, очень щедро, — необходимые материальные средства на покрытие издержек по путешествию, на содержание членов собора в период соборных занятий и т. д. Постановления Соборов получали значение актов, юридически обязательных, значенье государственных законов и т. д.

Не требуется никаких доказательств, что теперь в указанном отношении обстоятельства совершенно изменились. К сожалению, в большинстве случаев церковь все еще находится в подчинении государству, — отделение церкви от государства юридически, а тем более фактически, проведено лишь в очень немногих, исключительных случаях. Церковь находится во всех отношениях, не исключая и идеологии еского, в полной зависимости от государства, конкретнее — от идеологии и строя, выражающего все типические особенности империализма, как последнего и самого крайнего этапа в развитии капитализма, характеризующегося загниванием всего экономического и политического строя во всех отношениях. Выражая, в тех или иных формах, типические особенности названного этапа по пути капиталистического развития, современные государственные организации — однако — глубоко враждебны друг другу и под официальным флагом пацифизма готовят новую мировую бойню. Христианская культура и даже конфессиональное (вероисповедное) единство нисколько этой розни и этой враждебности не смягчают. «Православные» государства к сожалению, исключения в этом отношении не представляют. Болгария, единоверная России, не смутилась выступить, в последней империалистической войне, заодно с католиками, протестантами и даже магометанами, против православной России и т. д.

Но если это так, то с указанной стороны возникает немалая опасность и в деле церковно-соборного сотрудничества.

Трудно представить, чтобы господствующая политическая и социальная идеология не отразилась и на церковных настроениях представителей различных православных церквей, собравшихся для великого церковного дела.

Вот небольшая иллюстрация. Собравшиеся в августе прошлого 1925 г. на Стокгольмскую конференцию представители различных исповеданий, но из стран с одинаковым или близким политически-общественным строем, лучше понимали друг друга, чем представители одинаковых исповеданий, явившиеся из стран с политически-общественным строем различным. Мы не представляем указанное обстоятельство как роковую и совершенно непреодолимую преграду, однако бесспорно здесь потребуются великий подвиг морального и интеллектуального очищения.

Мы уже не говорим о возможности противодействия самому факту собрания «Вселенского» Собора со стороны некоторых, даже «православных» правительств, у которых можно предположить те или иные побуждения затормозить созыв предположенного «Вселенского» Собора, отложить его «ad calendas graecas» (по-русски равнозначаще—«в долгий ящик»). Некоторые симптомы этого уже заметны и даже проникли в печать. Так, собор вначале намечался в Иерусалиме, а затем его созыв был предположен на Афонской горе. И что же? Над Афоном собрались какие-то тучи... Атмосфера там сгустилась и—возможно,—настолько, что созыв «Вселенского» Собора окажется там невозможным и т. д. И не даром Священный Синод Православной Российской Церкви в пределах СССР вторично предложил Константинопольскому Патриарху обсудить вопрос о Москве или другом каком-либо (южном) городе на территории СССР. Если Собор наметит себе лишь строго церковные задачи и не сойдет с почвы чисто церковного обсуждения поставленных вопросов,—в виду отделения Церкви от государства в СССР, здесь может создаться наиболее благоприятная почва для решения чисто церковных дел, для уяснения религиозных вопросов. Так или иначе даже о месте созыва «Вселенского» Собора приходится подумать и позаботиться немало. В виду всего этого не приходится принципиально возражать против того утверждения другого корреспондента, что нормальные условия для созыва «Вселенского» Собора настанут только тогда, когда будет везде осуществлено и притом фактически проведено, а не номинально лишь декларировано, отделение церкви от государства. Однако—«пока солнце взойдет, роса глаза выест». Нам не приходится забегать вперед, следует считать с наличными условиями, как бы ни были они неблагоприятны. И нельзя не удивляться недалковидности некоторых радетелей «Вселенского» Собора, кои разочаровываются и недоумевают, «покивают головами своими»,—при известии, что Вселенский Собор на некоторое время снова отложен... Виною этому является все то же наше богословское и церковно-историческое невежество и прямое нежелание вникнуть в обстоятельство переживаемого времени. Священный Синод Православной Российской Церкви, особенно дорожающий идеею и фактом вселенского церковно-канонического единения, с момента самого первого известия о созыве Вселенского Собора, не только проявил в отношении к нему самый живой интерес, но и принял все доступные ему меры для надлежащей подготовки к великой предстоящей церковной работе. Высоко ценя значение Вселенского Собора, Священный Синод, имея в виду надлежащее представление об историко-бытовых сторонах деятельности древних «Вселенских» Соборов, извлек из них надлежащие выводы и поставил вопрос о необходимости самой тщательной к нему подготовки. С доводами Священного Синода П. Р. Церкви вполне согласился и Вселенский Патриарх Василий III и его Священный Синод. Таким образом, всем истинным, а не показным, не на словах только, радетелям Вселенского Собора остается энергически работать в видах более успешного и более скорого созыва Вселенского Собора, а не ныть и многозначительно «покивать головами», а тем более не рассеивать лживых и недобросовестных слухов, начиная с того, что нового Вселенского Собора и быть не может, ибо Соборов «Вселенских» может быть только семь, и не более... «Доморощенные философы», подстать тем, кои некогда скорбели о тайне «божественной аллилуйи»—у нас еще, как видно, не перевелись...

И удивительное дело,—т. н. «обновленческая» Церковь, по мнению ее недругов, виновная чуть не во всех ересьях и особенно в нарушении «канонов»,—охотно и радостно встретила весть о созыве «Вселенского Собора» и всемерно к нему готовится. Между тем т. н. «староцерковники» посматривают на «Вселенский» Собор как-то косо и с опаской и не прочь за-

ранее его опорочить. С мест получают определенные сведения, что нашими выделившимися «аввакумами», и особенно «чернецами и черницами», и теперь по поводу именно отложения на некоторое время «Вселенского» Собора ведется злобная и, конечно, невежественная агитация против грядущего Собора,—нередко даже против самой идеи этого Собора. Заподозреваются в православии не только «обновленцы», но и сами Восточные Патриархи, представитель Константинопольского Патриарха в Москве Василий Димопуло и др. Однако народ не везде уже верит этим «кликлушам». Ведь если им поверить,—весь мир впал в заблуждение и ересь,—одни они только православные.

Многих, даже лучших из староцерковников, пугает всякая «новизна», всякая перемена, напр., в календарном стиле. Однако таковых наказывает самая логика вещей. Привязываясь к букве постановлений и правил, они нарушают смысл самих этих правил. В «Церковном календаре на 1926 года для православных и старообрядцев» изд. Е. Г. Парфенова напечатана очень интересная и знаменательная статья б. проф. М. Дух. Акад. Д. А. Лебедева (не обновленца): «О совпадении Пасхи христианской и еврейской». Автор этой статьи, большой специалист в вопросах пасхалии сообщает, что «не только православные, но даже западные и не только протестантские, но и р.-католические ученые видели недостаток введенной с 1583 года грегорианской пасхалии в том, что по ней иногда (как уже в 1609 и 1627 г.г.) пасха приходится в день еврейской Пасхи 15 нисана.

В действительности же,—разъясняет проф. Д. А. Лебедев,—в этом совпадении нужно видеть скорее достоинство (очень несовершенной в целом) грегорианской пасхалии. Дело в том, что в принципе александрийская пасхалия назначает пасху на воскресенье, начиная от 15 нисана, только не по действительному календарю иудеев, а по предполагаемому календарю древних евреев. Но этот предполагаемый календарь расходился с их действительным не в том, что 15 нисана по нему приходилось всегда позже 15 нисана тогдашних евреев, а только в том, что иногда самый нисан приходился позже иудейского нисана. Но это было не особенно часто, ибо в большинстве случаев иудейская пасха приходилась позже весеннего равноденствия. По современному иудейскому календарю, введенному у них, может быть, уже в 359 г., их пасха, 15 нисана (1 день опресноков) совпадала с пасхой александрийской в годы 367, 370 и т. д. Если даже иудейский календарь введен в 499/50 гг., как думают некоторые, то и тогда все же имели место совпадения христианской пасхи с иудейской в течение почти трех столетий.

Вывод отсюда простой и ясный,—следует держаться не буквы постановления и правила, но смысла, раскрывая притом этот смысл с принципиально-богословской точки зрения, с точки зрения основных истин Православия. Или другой пример. «Староцерковники» очень нападают на так н. «белый», не-монашеский, допускающий и женатое состояние епископов, епископат т. н. «обновленцев». А многие ли из них знают (знающие же, конечно, замалчивают), что на востоке епископы не женатые, но и не монахи (принимают только т. н. «малый постриг», или рясофор) Я лично имел разговор с приезжавшим в Россию патриархом Антиохийским Григорием IV, в 1913 г., который мне указывал на неканоничность монашеского епископа (см. и 2-ое правило Софийского Собора). Итак, выходит, что у «староцерковников» «куда ни кинь, везде—клин». Держась за археологию, не считаясь с «знамениями времени», представители и проводники такой идеологии стремятся,—во что бы то ни стало, сохранить прежнюю архитектуру церковных стен, забывая, что «церковь не стены и покров, но вера и житие». И в этом случае они уподобляются тем «Обломовым», которые упорно не хотели снести подгнившие столбы окружавшей их дом галереи и заменить новою постройкой,—хотя бы подгнившая старая постройка грозила похоронить их самих или окружающих под своими развалинами. В сущности здесь проявляется неверие в зиждительскую силу Церкви, которая «никогда не стареет, но всегда юнеет, всегда обладает благодатными силами совершать свою творческую работу—в областях догматической, канонической, литургической и др. Ужели Церковь, являвшая свою жизненность и жизнеспособность в период Вселенских Соборов, утратила свои благодатные силы и свои благодатные полномочия в настоящий момент? Христова Церковь основана на живом исповедании Христа Спасителя, как «Сына Бога Живого», Который сказал: «Отец Мой доселе делает и Я делаю». Христианство не акосмично, или антикосмично. Оно предназначено служить закваскою для всей области человеческой культуры, «пока вскиснет все». Оно не пасует ни перед

какими завоеваниями человеческой мысли, благословляет прогресс человеческой культуры, направленный на благо трудящегося человечества,—всему указывая высший смысл и все пронизывая светом Христовой любви и правды.

Для «обновленчества» соборность—привычная стихия, норма его церковного бытия и церковно-общественной жизнедеятельности. А потому оно всю душу стремится еще глубже погрузиться в его благодатную стихию,—можно без преувеличения сказать духовно «алчет» и «жаждет» созыва Вселенского Собора,—одного лишь требуя, чтобы он по составу своему и направлению был истинно церковным, чтобы в нем действовала исключительно религиозная стихия, чуждая приражений несвойственных ей элементов, в корне разрушающих дело Христово, ибо поистине «нельзя служить одновременно Богу и Мамоне».

Движение вперед, достижение все большего и большего совершенства в познании религиозной истины и в проведении ее в жизнь общества—вот задача и цель православного обновленчества. Его движение вперед происходит по вселенскому фарватеру, и оно вовсе не стремится укрыться куда-то в места потаенные, где поменьше света, поменьше гласности, поменьше обсуждения и даже критики. Отдельные ошибки неизбежны и они бесспорно есть, они естественно выправляются при работе во вселенском церковном масштабе, при свете православной науки, не порывающей связи с славными заветами и традициями таких ученых богословов, какими были, напр., В. В. Болотов, И. Е. Троицкий, А. П. Лебедев, В. О. Ключевский, Е. Е. Голубинский и др.

Проф. С. М. Зарин.

ОТДЕЛ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ.

О благодати священства¹⁾.

Грехопадение первых людей было грехопадением основным, типичным—не только тем, что когда-то было, но и тем, что всегда бывает. Греховным было, разумеется, не желание быть «яко божи» (Быт. III, 5), ибо стремление к богоподобию человеку врождено, составляет его основную жизненную задачу, завещано и Христом, прямо требовавшим, чтобы мы были «совершенными, как совершен Отец наш небесный» (Мф. V, 48) и вовсе не видевшим богохульства в этом смысле там, где видели его иудеи (Иоанн. X, 33—36). Греховным был путь к этому богоподобию, который избрали люди. Вместо того, чтобы идти путем внутреннего, нравственного подвига и возрастания, быть господином себя и материи, материального мира, и таким образом сделаться носителем внутренней нравственной свободы, не потенциальной только, но уже и актуальной, т. е. существом истинно подобным Всемогущему и единому абсолютно Свободному,—человек поработился миру, стал искать в нем средств, явных и скрытых сил для своего совершенства. Такой смысл имеет библейский рассказ о вкушении (с суетной надеждой) от дерева познания добра и зла, такой смысл имели древние религиозные магия и колдовство. Старое и новое суеверие заступили место веры, и человек окончательно осуетился. Христос пришел вернуть потерянную веру, веру в то, что человек, оставаясь человеком, не мечтая ни о каком «сверхчеловеке», одним нравственным подвигом может начать и окончить жизнь по Божьи, достичь полной нравственной свободы, выйти из всех условий и злостраданий победителем, духовным царем. Сойдя на землю, Сын Божий показал, что, поскольку небо не дальше от земли, чем и земля от неба («нисшедый той и восшедый»), человек может взойти на небо, но путь лежит не через кровлю храма, хлеба из камней или сошествие со креста, а наоборот, через «зрак раба» (Фил. II, 7), Голгофу и крест, восшествие на него. Эта вера и сила духа была воспринята Церковью, как новое начало жизни, царство духа и нравственного подвига, но и здесь, поскольку Церковь по самому существу своему не только оказалась царством Божьим, но и царством человеческим (человека), т. е. целым богочеловеческим, с человеческой склонностью к земле, материи и подмене Божеского человеческого, духовного материальным, внутреннего внешним,—получилась некая материализация духовного начала и—прежде всего—тех даров Неба, которые принес Христос, за которые Он и душу Свою положил. Материализовалось самое понятие благодати—благодати вообще, и благодати священства в частности. Дело Христа оказалось разрушенным, и мы снова стали пред первыми страницами Библии, в истории человеческой, снова совершилось то же типичное грехопадение, с которого начали, хотя и на почве новой, церковной. Что такое благодать, греческое *Χάρις*? Благой дар и вытекающая отсюда радость, счастье. Основной дар—вера, как залог спасения, победы, нравственной свободы. «Без веры невозможно угодить Богу» (Евр. XI, 6) по тому самому, почему без веры в возможность чего бы то ни было, без веры в свои силы и чью либо помощь, нельзя вообще серьезно предпринять, совершить это «что бы то ни было». Спасение не дается верой, но оно не дается и без веры; достигается оно нравственным подвигом и самоусовершенствованием, возрастанием и победой, но источник всего—вера. Она—главный благой дар, благодать по преимуществу. Отсюда истекают и все остальные виды ее: и благодать прозрения и обращения (в крещении), и благодать помазанности (в миропомазании), и благо-

дать прощения (точнее, прощенности в покаянии) и благодать встречи со Христом (в причащении), и благодать целомудрия (в браке во Христе) и всякая иная. Церковь православная не знает пределов благодати, Указчик здесь только жизнь, ее потребности и многообразие, да Божия любовь и благодать. Но везде основа—одна: вера в Бога и вера в человека, как образ Божий и подобие, в возможность свободы и спасения, в верность и единственную верность пути Христова. То же—и благодать священства. Это—благой, радостный дар священства, счастье священства, он однако, как и самое священство, здесь троится. Церковь знает три степени священства: диаконство, священство (в узком смысле, т. е. пресвитерство) и епископство, святительство (точнее и выразительнее!). Диакон (как говорит и самый точный перевод слова *διακονεῖν*; ср. Деян. VI, 1; Кор. XVI, 15; 2 Кор. VIII, 4; IX, 1, 13)—благотворитель, даже благодетель («от своих имений»); тот, кто греет, несет тепло и ласку туда, где холодно и одиноко. Священник-проповедник, будящий совесть, освещающий все—и пути жизни и думы сердца—новым светом, светом Неба: тот, кто светит. Святитель—тот, кто зажигает других, испытывает горючесть душевного материала, в светильники гаснущие подливает нужный елей. В этом—суть его служения; прочее же от лукавого. Но есть у них всех, кроме той или иной степени их духовного накаливания или накаленности (до тепла, света и огня), и нечто общее: прежде всего—особая высшая степень благоговения («благоговейнейший»—преимущественный титул чинов духовного посвящения) и чувства нравственной ответственности не только за себя, но и за других. В этом последнем смысле—вся суть посвящения, обречения, а затем, поскольку дело идет о двух высших ступенях служения, и особая степень дерзновения, как предстоятелей, предстателей у престола Божия за народ, его избранных и полномочных. И так благодать священства, т. е. благой дар священства, есть не чтонибудь иное, как благой, радостный, дающий счастье и упоение дар милосердия, Христова просвещения, зажигания на это дело других, повышенного чувства благоговения и нравственной ответственности, сознания своего просвещения, всецелой обреченности, поставленности и отсюда вытекающего особенного дерзновения в молитве и прещении. Это совсем не какой-то особый, как думает большинство, невидимый заряд руками архиерейскими, заряд своего рода Лейденской банки или электрической батареи. Это вовсе и не какие-то невидимые флюиды, истекающие от священника. Это—особое настроение ума, сердца и воли, особое устремление, особая чувствительность и отзывчивость совести. Все это вполне ощутимо и явно, все это—данные сознания и самосознания. Чтонибудь одно: либо благодать материальна, весома и чувственно осязаема (что абсурд), либо она духовна, либо, наконец, ее вовсе нет, она—миф. Но в духе нашем нет ничего, что бы не было освещено светом сознания. Что никогда не становится фактом, неотъемлемой частью сознания, того и нет в человеке; это еще или уже и не элемент его духовного существа, душевной жизни. (Обоснование сего, как и раскрытие сущности грехопадения, см. у В. Несмелова. «Наука о человеке» т. I—II). В вопросе о благодати это должно быть истиной основной, иначе мы—на пороге магии, волшебства, суеверия и собственного

¹⁾ Печатается в качестве не лишнего интереса и доказательности опыта решения одного из вопросов, поставленных в программу грядущего Вселенского Собора. Редакция.

самообмана. Истина—поистине прискорбная для многих. Ведь материализация благодати растет как раз в пропорции прямой с ростом нашего недостойства, душевной пустоты и их сознанием. Если, копясь в тайниках своей души, не видишь в себе ничего иного, ничего специфически священнического, а только одно обычное и мирское и мирянское, то невольно в чувстве самосохранения, в желании мыслить себя все же священником цепляешься за мысль о благодати, как о каком-то невидимом, неосязаемом и несознаваемом флюиде, как бы духовном «электрическом» заряде. Вполне естественное стремление и духовенства, сознающего свою подлинную духовную безблагодатность, и народа, видящего недостойство и омирщенность своих пастырей, но совершенно напрасная надежда! Нужно смотреть правде прямо в глаза: кто потерял или даже и не имел способности зажигать, заставляя гореть огнем ревности других, выбирать подходящий материал, тот и не епископ и никогда не был им; кто ни в ком не будил и не успел разбудить совесть, не мог и не пытался перевернуть мировоззрение, дать «ум Христов», Христово разумение жизни, не родил человека «нового», не томился о грехе людском, не был «в муках рождения, пока не изобразится Христос» в пастве его, тот далек от священства; кто никогда не благоворил, никого не согрел и не согрел, не был полон жалости, тот и не диакон. О всех них можно сказать в смысле рукоположения их то же, что говорит Св. Кирилл Иерусал. оглашенному в отношении крещения: «Если ты останешься в прежнем (мирском) произволении твоём, не надейся получить благодать. Вода тебя примет, но дух не примет». (Procatech. С. 4). Чего нет, того нет, и шапка невидимка, как и Адамова подмена нравственного роста и подвига плодами дерева, не помогут. Как и, наоборот,—что есть, то и есть, пока не погубило, не улетучилось, не стерлось. Это уж урок тем, кто подходит к благодати с другого конца, со стороны юридической и всяких канонических и якобы канонических прещений, извержений и проч. Последними особенно плодovито наше время. Едва ли есть кто нибудь в России из лиц духовных, кто бы кем-нибудь персонально или «гуртом» не был «запрещен» или «извержен». Один запрещает и лишает одного, другой третьяго, третий первого и далее, далее в бесконечность. Идут перерукоположения, освящения «оскверненных еретиками», их молитвою и таинствами храмов и престолов и тому подобная в целях взаимной, друг против друга ведомой агитации (на невежестве народном спекулирующей), гадость, мерзость и бесстыдство. Опираются на историю. Да, к сожалению, не чужда таких «историй» и она. Знаем, действительно, и в най, напр., свару св. Феодора Студита с его патриархом св. Никифором Исповедником. Патриарх погрешил не во многом, оказался лишь более, чем казалось св. Феодору возможным, снисходительным: принял в общине пресвитера, благословившего незаконный царский брак. Это однако объявляется целой ересью—«прелюбодейной» (хотя ереси никакой тут, как ясно таждому, нет, а есть податливость одного и снисходительность другого) и смело утверждается, что «нет у них (у патриарха и его сторонников) ни священства, ни жертвы евхаристической и прочих средств врачевания душевных болезней человеческих». То же повторяется и при св. патр. Тарасии. Студиты по прежнему бунтуют, извергают и обезблагодатствуют. (См. Феодора Студит. Творения, т. I, стр. 174—177 и 239: письма к Евпрепию и Симеону монаху). Это, конечно, может быть мнимым оправданием для наших дней, но весь вопрос, как на это посмотрела Церковь Христова. Помня, что только «один Бог без греха», помня их подвиг и веру и не желая помнить, забыв темперамент, узость взгляда и ревность не по разуму, она причислила к лику святых всех троих. Это—тоже история. Она расскажет нам и кое-что другое, поучительное и умиротворяющее, а прежде всего даст нам возможность сделать наши рассуждения о благодати не априорными и отвлеченными только, но основанными на фактах и авторитетах. Спасает она нас и от Толстовского упрека, что «все таинства наши—грубое, не соответствующее понятие о Боге и христианскому учению колдовство» («Ответ Св. Синоду») и от наводнившего наше quasi—церковное русское сознание чисто римско-католического opus'a operatum. С этого и начнем наши довольно многочисленные выписки и ссылки. «Когда видишь (при таинстве евхаристии) подающего тебе священника, говорит Св. И. Златоуст, не думай, что это делает священник: то простирается рука Христова. И когда священник крестит, не он крестит, а Бог, Который невидимую силою держит главу твою, и не ангел, ни архангел, ни кто либо другой не смеет приблизиться и прикоснуться к тебе», (Беседы на Еван-

гелие от Матфея, 50,3). То же—и блаженный Августин: «Богу всегда принадлежит благодать и Богу таинства, человеку же—одно служение». (Письмо 55, гл. III, 12 Migne; XXXIII, p. 401); или: «Я верую не в священника, который меня крестит, а в Того, Кто оправдывает нечестивого, так что вера вменяется мне в правду». (Contra litteras Petiliani lib I, cap. VII, Migne XLIII, p. 249). То же и наш Филарет (Черниговский): «Постоянным учением Церкви было то, что совершается ли крещение, разрешаются ли грехи, приносится ли евхаристия, совершается ли рукоположение, тайны совершает сам Бог, а не священнослужитель». (Православно-догматическое богословие: т. II, 415—417). То же только заключение можно сделать и из самых чиноположений. Ни одно из таинств, начиная с таинства священства и его пригласительного возгласа (отнюдь не имеющего не только значения молитвы таиносовершительной, но и вообще даже молитвы, почему по многим древним чином он и производится не епископом, а архидиаконом: см. у А. Несселовского. Чины хиротоний и хиротесий. 1907 и Denziger, Ritusorientalium. 1863, В. I—III): «Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскулевающая восполняющи проручествует благоговеннейшего (имя рек) во..., помолимся убо о нем, да придет на него благодать Всесвятого Духа», продолжая крещением и кончая браком и елеосвящением,—не совершается молитвами одного священнодействующего, но к ним («помолимся убо о нем», «Господу помолимся» и т. д.) обязательно приглашаются все. «Благодать все-святаго Духа «приходит», а не передается; св. Дары «предлагаются Духом Святым», а не рукою священника, благословение которого—лишь символ благословения Божьего. В чине диаконской хиротонии епископ прямо исповедует: «не в наложение рук моих, но в посещение богатых щедрот Твоих дается благодать достойным Тебе»; или священник в конечной молитве елеосвящения: «не полагаю руку мою грешну на главу пришедшего, но Твою руку крепкую и сильную, яже во Святем Евангелии сем, еже сослужители мои держат, и молюся: Сам и раба Твоего кающагося прими»... Отсюда и обычное начало таиносовершительных молитв «Сам и создание Твое сие избавль от работы вражия, прими в царство твое пренебесное», «Но Ты, Владыко всех, покажи воду сию, воду избавления, воду освящения», «Сам благослови и сей елей силою и действием и наитием Святаго Твоего Духа» (при крещении). «Сам Владыко, ниспосли на них Святаго и седмикратного (επτὰπλάσιο) (Своего Духа) в греческом чине миропомазания у проф. А. А. Дмитриевского. Описание рукописей; т. II—Εὐχολογία; стр. 235) или в тр бнике нашем: «Сам, Владыко Всецарю благоутробне, даруй тому и печать дара Святаго и всеильного и поклоняемого Твоего Духа». «Сам и раба твоего кающагося о них же содела согрешениях, прими обычным Твоим человеколюбием, презирая ему вся содеянная, оставляя неправды». «Сам, Владыко, ослаби, остави, прости», «Сам, яко благ и незлобивый Владыко, сия рабы Твоя словом разрешитися благоволи, прощая им» и т. д. (при исповеди по нашему требнику) или по «Постановлениям Апостольским»: «Сам прими и ныне раскаяние рабов Твоих, возврати их Церкви Твоей Святей в прежнем достоинстве и чести». «Сам и ныне Владыко, ниспосли руку Твою от святаго жилища Твоего и сочetaй раба Твоего и рабу Твою сию, зане от Тебе сочetaвается мужу жена; венчай я в плоть едину», «Господи Боже наш, славою и честью венчай я» (при венчании). «Ниспосли Святаго Твоего Духа и освяти елей сей и сотвори и помазующемуся рабу Твоему в совершенное избавление грехов», «Врачебную силу с небесе ниспосли, прикоснися телеси», «Сам внуши молитву мою... Сам, Владыко, и рабу Твоему подаждь врачевание» (при елеосвящении). «Сам Владыко всех и сего, его же благоволил еси проручествоватися (свидетельствоватися) от мене в непорочном жителстве и непреклонной вере, благоволи подъяти великую сию благодать Святаго Твоего Духа» (совр. архиер. чиновник), или по «Постановлениям Апостольским»: «Сам убо и ныне призири на раба Твоего сего, гласом и судом клира всего в пресвитерство вданного и исполни его Духа и совета и благодати» (при рукоположении). Не иным чем объясняются также факты, как 1) возможность крещения и рукоположения «кровью», т.-е. исповедничеством, а не погружением или руковождением (указания см. у проф. А. П. Лебедева, Духовенство древней Церкви. М. 1905), 2) участие в литургии, как крещение, о чем свидетельствует в своей «Церковной Истории» (VII, 9) Евсевий Кесарийский, повествующий, что св. Дионисий Александрийский не дерзнул крестить пришедшего к нему от еретиков, подлежащего перекрещиванию, после того, как узнал, что он уже участвовал в совершении евхаристии; 3) рукополо-

жение епископов, признававшееся законным, не собором епископов, а одним (факты см. у проф. В. Соколова. Можно ли признать законность иерархии старокатоликов. Богосл. Вестн. за 1893 г.; т. I, стр. 113—122), что, конечно, ясно говорит (не с канонической, а с сакраментальной точки зрения), что здесь дело — не в числе рукополагающих и сумме их «заряда», а в молитве всей Церкви, которая от сего, разумеется, как не ослабевает, так и не возрастает в силе своей.

Во всех таинствах действует не благодать священнодействующего, а молитва всей Церкви и благодать Св. Духа, который, как известно, «дышет, идеже хочет: не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Григорий Назианзин, описывая возведение в степень Евсевия Кесарийского (предшественника Василия Великого), которого собравшиеся епископы отказывались рукополагать как неопита, и который рукоположен был только под давлением избравшего его при участии местных войск народа, введшего его в церковь и поставившего его перед епископами, говорит, что епископы действовали «более руками, нежели духом». Передавая затем о достойном служении рукоположенного таким образом Евсевия Кесарийского, послужившем оправданием пламенному желанию народа и войск иметь его своим епископом, повествующий не подвергает никакому сомнению действительность самого рукоположения. Как же объясняется это? Следует ли предположить, что одно уже механическое возложение рук со стороны надлежащего числа епископов в связи с механически же произносимой ими формулой или молитвой довлеет для совершения таинства рукоположения даже и при безучастии духа. Целый ряд канонов (I Всел. Соб. пр. 6; IV Всел. Соб. пр. 6 и т. д.), говорящий о случаях недействительности (ἄχρηστον) рукоположения (даже иерархии законной), отвечает на этот вопрос отрицательно. Дело не в епископах, а в народе и не в рукоположении первых, а в молитве второго. Священнодействующий только председательствует и предначинает. Его сила и задача только своей молитвой вдохновить остальных. Действует же он по их полномочию и по поручению. Здесь — источник дерзновения, а не в «ларце благодати», якобы скрытом в сердце его. «Мирянин, по словам Св. Феодорита Кирского, ответствуя после вноимых молитв «аминь» становится участником молений ничем не менее того, кто оныя в собраниях произносит» (Толк. на 2 Кор. I, 20). Св. Иустин Философ, описывая древнее богослужение, придает литургическому «аминь» значение «ἑνεκα — да будет» (Апология, I, 65). Это участие мирян, всей Церкви в качестве таиносовершителей, литургизм совершения, как это ни странно на первый взгляд, распространяется даже на такое, казалось бы не всенародно, т.-е. литургически, а «отай» и *privatim*: частно, уединенно совершаемое таинство, как таинство покаяния. И здесь, вопреки ожиданию и привычке, мы наталкиваемся перед каждой (в том числе и перед так называемой «разрешительной») молитвой на то же «Господу помолимся» — «Господу помолимся», относящееся далеко не к одним кающимся и даже вовсе не к ним, а ко всей прочей, долженствующей присутствовать при акте их покаяния и присутствующей Церкви, ибо далее за сим следует «Услыши нас, молящихся Твоей благодати и о рабах Твоих сих и презри прегрешения их вся, изми их вечныя муки» (конец 2-й «предисповедной» молитвы). Это «нас» о «сих», конечно, скорее уже свидетельство о молитве сторонних мирян, чем указание в данном случае на служение (при единстве духовника) соборное. Такой взгляд на сущность благодати, в таинствах подаваемой, и в частности на сущность благодати священства, на их источник и пребываемость ставит, лишаясь своего чисто механического и узко юридического, свойственного современной школьной традиции (ср. Н. Аксаков. Предание Церкви и предание школы) характера, на совершенно новую, почву — новую, конечно, для этой традиции, но не для предания истинно церковного, — и вопрос о смываемости или несмываемости ее, а равно и о действительности получения в обществах раскольничьих и еретических. Прислушаемся к этому голосу предания и опять той же церковной истории прошлого нашей Церкви православной. Начнем с св. отцев. Блаж. Иероним, в разговоре против люцифериан, сопоставляет таинство священства с таинством крещения и доказывает, что как крещение, совершаемое в неправославных обществах, повторять не позволительно, так точно не позволительно повторять и преподаваемые там рукоположения. «Столько же не нужно вновь освещать тех, которые поставлены еретиками», говорит он, «сколько и перекрещивать тех, которые крещены ими». Если крестящий не мог повредить своею верою крещенному, то и поставляющий не мог

своею верою осквернить поставленного священника (Творения блаж. Иеронима, перев. Киевской Духов. Академии. Том IV, стр. 74). Доказывая действительность у еретиков таинства крещения, бл. Августин последовательно применяет свой взгляд и к еретическим рукоположениям. «Нельзя» говорит он, «указать никакой причины, почему тот, кто не может утратить самого крещения в состоянии потерять власть преподавать его. То и другое есть таинство, и то и другое сообщается человеку некоторым посвящением: то, когда он крещается, а это, когда он рукополагается, а потому ни то, ни другое, в католической церкви повторять не позволительно. Ибо если когда приходящие оттуда (т.-е. от отпадших), даже предстоятели, по исправлении заблуждения раскола, ради блага мира принимаются, и признано бывает нужным, чтобы они исполняли те же обязанности, какие исполняли и прежде, то они не рукополагаются снова: но как крещение в них, так и рукоположение пребывает целыми, по етике погрешность была в отпадении, которое исправлено миром единения, а не в таинствах, которые где бы ни были, остаются теми же» (*Contra epistolam Parmeniani cap. XIII*). Мысль о действительности преподаваемых еретиками рукоположений не была частным мнением лишь некоторых церковных писателей, и церковная практика христианской древности представляет нам не мало примеров того, что в обращающиеся к церкви от разных ересей и расколов принимались в общение с оставлением в тех иерархических степенях, какие были им преподаны во время их пребывания в ереси или расколе, а также не подвергались иногда никаким возражениям иерархические степени тех православных лиц, которые, по каким либо случайным обстоятельствам, приняли рукоположение от еретиков.

Св. Мелетий, епископ Антиохийский, был рукоположен арианами. Об этом было, между прочим, засвидетельствовано на седьмом вселенском соборе, в деяниях которого мы читаем: «Петр, боголюбнейший пресвитер, занимавший место Адриана, святейшего папы римского, сказал: «как говорят историки, святой Мелетий был хиротонисан арианами: но возшедши на амвон, провозгласил слово: «единосущный»; и хиротония его не отвергнута». Присутствовавшие на Соборе епископы сицилийские тотчас подтвердили слова Петра и сказали: «протопресвитер апостольского престола сказал истину» (Деяния вселенских Соборов. Перев. Казанской Дух. Академии. Том VII, стр. 109). Проверя указания пресвитера Петра на «историков», мы действительно находим, что по свидетельству Сократа и Созомена. (Сократ. Церк. истор. кн. I, гл. 43. Созомен. Церк. ист. кн. IV, гл. 28, св. Мелетий получил рукоположение от ариан. На это обстоятельство при смутах, бывших тогда в Антиохии, противники Мелетия указывали ему в порицание, однако никто не требовал его нового рукоположения, и он, как полноправный епископ, не только занимал свсю кафедру, но, как известно, присутствовал, и даже председательствовал, на втором вселенском соборе. Те же источники свидетельствуют, что и св. Кирилл, архиепископ Иерусалимский, получил епископское рукоположение от Акакия Кесарийского, который был одним из ревностных и выдающихся представителей арианства. На это указано было отцам седьмого вселенского собора, когда, в числе «свидетельств хиротонисанных еретиками», прочитана была выдержка из церковной истории Руфина о том, что «Акакий и Патрофил, изгнав Максима Иерусалимского, вместо него определил Кирилла» (Деян. Вселен. Соборов VII, 112—113). О рукоположении св. Кирилла Акакием свидетельствуют Сократ и Созомен (Сократ. кн. I, гл. 38. Созомен. кн. 4, гл. 20). Еретическое рукоположение св. Кирилла не возбуждало, однако, никаких возражений против действительности его епископского сана, и он беспрепятственно занимал свою кафедру и присутствовал на втором Вселенском соборе.

В первом каноническом послании к Амфилохию, епископу Иконийскому, св. Василий свидетельствует, что Зоин и Саторнин, бывшие епископами в еретической общине енократитов, приняты были в церковное общение с сохранением за ними их епископского сана. «Ведаю», пишет он, «яко братья Зоина и Саторнина, бывших в их обществе, мы приняли на кафедру епископскую; почему у соединенных с их обществом уже не можем строгим судом отчуждать от церкви, постановив, принятием епископов, как бы некое правило общения с ними».

У блаж. Августина неоднократно можно встретить свидетельства о том, что и африканская церковь его времени не отвергла действительности преподаваемых донатистами рукоположений, ибо при обращении покаявшихся донатистов к церкви, те из них, которые имели иерархические степени, обычно при-

нимались в церковное общение с сохранением сана (Contra epist. Parmenianiani II, 28. Contra Cresconium, II, 13). Этот обычай, по свидетельству Карфагенского собора, и ранее был господствующим «почти во всех африканских церквах» (Карф. соб. пр. 79.) От Никейского до Константинопольского, т.-е. 2-го Вселенского Собора, большая часть иерархов и священнослужителей получила свое рукоположение от арианских епископов. Но продолжавшиеся во все это время споры православных с арианами о догматах веры не затрагивали собою вопроса о незаконности рукоположения, совершаемого епископами той и другой стороны. «Угодно было всем нам», читаем мы и в определении III Вселен. Собора, «что бы все, находящиеся по всей провинции еретики мессалиане или энтузиасты, или подозреваемые в этой ереси, если письменно уже анафематствовали свою ересь, если будут члены клира, да пребывают в клире, если миряне, да будут допущены к общению» (Деяния Всел. Соборов II, 22—23).

Наибольшую важность при исследовании вопросов о значении еретических рукоположений имеют в особенности деяния седьмого вселенского собора, на котором вопрос этот был прямо поставлен и сделался предметом тщательного и всестороннего обсуждения. На первом же соборном заседании несколько епископов, бывших дотоле ревностными сторонниками иконоборческой ереси, изъявили раскаяние в своих прежних заблуждениях и просили «присоединить их к святой католической церкви». Трое из этих епископов получили рукоположение в православной церкви и потом уже уклонились в ересь; а другие семь (Ипатий Никейский, Лев Родосский, Григорий Писинтунтский, Лев Иконийский, Георгий Писидийский, Николай Иерапольский и Лев Карпатский), по их собственному заявлению, «родившись в этой ереси, в ней были воспитаны и возрасли». В виду такого обращения к собору покаившихся еретиков, которые прочитали и письменно изложенное отречение от своей ереси, вопрос об условиях их принятия в церковное общение поставлен был предметом обсуждения. Местоблюститель Антиохийского престола, инок и пресвитер Иоанн, обращаясь к председательствовавшему на соборе Тарасию Константинопольскому, говорил: «Святейший отец! многие неотступно допрашивают, как следует принимать приходящих от ереси; и мы просим святой и священный собор принести книги святых отцов, чтобы, прочитав и обсудив, мы могли составить по ним точное понятие, как должно принимать обращающихся, так как мы в недоумении». В частности, вопрос поставлен был и относительно еретических рукоположений. На соборе говорили: «пусть будут принесены и прочитаны книги, чтобы нам видеть, следует ли принимать получивших хиротонию еретиков». Книги действительно были принесены, и все свое первое заседание собор посвятил чтению и обсуждению разных канонических и исторических свидетельств, относящихся к поставленному вопросу. Читались и рассматривались канонические правила апостольские и вселенских соборов, примеры из соборных деяний, свидетельства отцов церкви: св. Василия Великого, св. Кирилла Александрийского и св. Афанасия, а также выдержки из церковной истории Руфина, Сократа, Феодора Чтеца и др. После рассмотрения всех этих данных, «святейший патриарх Тарасий сказал: мы выслушали отеческия заповеди: итак, что же следует делать? Принимать посвященных еретиками. — Святой собор сказал: да, владыка, мы слышали и видим, что следует принимать, если нет никакого другого препятствия» (Деян. VII, 82—122); «пусть они снова займут свои кафедры». И взошли на приличествующие им кафедры почтеннейшие епископы Никейский, Неокесарийский, Родосский, Иконийский, Иерапольский, Писинутский и Карпатский (Деяния VII, 192—193). Остальные примеры в значительно большем числе см. у проф. Барсова: «Правила и практика Древней Церкви относительно принятия неправославных священнослужителей в Православн. Церковь». («Христ. Чт.» за 1870 г. стр. 876—919); еп. Сергей: «О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православн. Церковь» (1894, стр. 132—165); митр. Григорий (Византиос). — «Каким образом может осуществиться единение армянской и православной Церквей. (Христ. Чт. за 1868 г., стр. 795—808); проф. В. Соколов — «Иерархия англиканской церкви» (1897; стр. 290—342); проф. В. Экземплярский — Библейское и святоотеческое учение о сущности священства». (1904; стр. 236—245). Решающее значение имеет здесь и I Всел. Соб., пр. 8-е, сущность которого церковный историк Руфин (нач. Vв¹) передает такими словами: клириков

кафаров (по нашему это наватиане), в случае, если они с покаянием обращаются к церкви, по исповедании церковных догматов, следует принимать в их сане (Ruffini Hist. eccles. lib. I, c. 6).

Средневековые толкователи церковных правил без малейших сомнений понимают 8-е правило первого вселенского собора именно в этом смысле. «Если они», т.-е. обращающиеся к церкви наватиане, «рукоположены во епископов, говорит Зонара, или пресвитеров, или диаконов, то присоединяемые из них к церкви остаются в клире, в своих степенях»... «Собор принял в их степенях»... У Аристина читаем: «Так называемые ч. стые, присоединяющиеся (к церкви)... оказавшиеся рукоположенными должны оставаться в своем чине»... «Если некоторые из них суть или епископы, или хорепископы, опять остаются в том же достоинстве». Вальсамон: «если это—клирики, то они должны непременно сохранить свои степени, ибо погрешают не в отношении к вере, а осуждаются за братоненавидение»... «Вероятно, некоторые говорили, что принять их должно, но только быть им в качестве простых мирян и не действовать правами, принадлежащими их прежним степеням. Это собором не принято, а положено восстанавливать их в их степенях» (Правила с толкованиями I, 186—199). То же Российский Святейший Синод в ответном послании 1872 г. вселенскому патриарху, по поводу болгарской схизмы: «В восьмом правиле и в практике первого Вселенского Собора находим решение и на этот вопрос, как поступить с теми архиереями и другими лицами, которые получили священный сан не до отлучения их от церкви, а уже после отлучения и от епископов отлученных. В этом правиле постановлено: «об именованных некогда самих себя чистыми, но присоединяющихся к католической и апостольской церкви, благоугодно св. Великому собору, да пребывают они в клире. Прежде же всего, надлежит им письменно исповедать, яко прилепятся и последовать будут определениям католическия и апостольския церкви. И так, где или в селах, или в градах, все обретающиеся в клире окажутся рукоположенными из них одних да будут в том же чине».

«Кафары или чистые были раскольники, последователи римского пресвитера Навата. Они составляли свое отдельное от православной церкви, общество и имели свою иерархию. Между тем Вселенский Собор определил: рукоположенных в их раскольническом обществе на какую-либо церковную степень оставлять, по присоединении их к церкви, в том же чине (Теплов. Греко-Болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб. 1889, стр. 185—189; ср. И. Громогласов. К вопросу о раскольничьей белокрыницкой иерархии с канонической точки зрения. Богослов. Вестник за 1895 г., кн. 10; и проф. Беренников. Как понимать 8-е правило 2-го Вселен. Собора. Православн. Собор за 1880 г., т. I). Это о действительности хиротонии, а вот и о так-называемом лишении сана. Посвящение— акт сакраментальный, акт облагодатствования, действие Духа Святого (именно Духа Святого, как мы видим выше, а не священнодействующаго, архиерея) по молитвам всей Церкви, при известном достоинстве, восприимчивости и восприятии со стороны посвящаемого. Вот три фактора здесь действующие, имеющиеся налицо: посвящаемый с его верою и духовным расположением, Церковь (возглавляемая епископом), молящаяся о нем, Духа Св. призывающая, и Сам Дух Истины, Утешитель, «немогущая врачующий и оскудевающая, восполняющий». Только таким же сакраментальным актом, при участии тех же лиц должно, несомненно, быть и лишение сана, акт обезблагодатствования. Между тем, как мы знаем, этот акт— акт чисто судебный, канцелярский,— с храмом и молитвою, да и со всею Церковью, с ее волей и мольбою ничего общего не имеющий. Правда, мы знаем некоторые отдельные случаи чего-то подобного. Так, напр., прот. П. Орловский знакомит нас на стр. «Трудов Киев. Дух. Ак.» за 1904 г. (кн. 10), (с «Чином извержения из священства, совершавшимся в Киевской митрополии в XVII веке»). Кое-что в этом направлении, в направлении пения антифонов из последования «Страстей»: «Днесь Иуда оставляет Учителя», «Днесь Иуда притворяет благочестие и отчуждается дарования» находим приблизительно в эту же эпоху и на Москве, и даже не без некоторых непредвиденных эффектов. Так из «Автобиографии известного протопопа Аввакума (Н. Субботин. Материалы для истории раскола, т. V, стр. 21) мы узнаем, что один из его сподвижников протопоп Лонгин, когда его расстригали в соборной церкви и сняли с него однорядку и кафтан (наша ряса и подрясник) во время великого выхода, «Никона порицая, чрез порог в алтарь в глаза Никону плевал и, схватя с себя рубашку, в алтарь

¹) Все дальнейшее приводим во избежание возможных перетолкований.

в глаза Никону бросил». Но ведь все это именно случаи, порождение и явление какой-нибудь отдельной эпохи, а не постоянно и обязательно. Факт остается фактом: акт сакраментальный аннулируется актом чисто судебным или иногда даже административным, действие Духа Святого и желание всей местной церкви, волей епископа, консистории и канцелярским росчерком пера. Насколько это правильно, действительно и нормально? Возможно ли вообще лишение сана в буквальном полном смысле этого слова и от кого и от чего оно зависит? Вопрос этот был, между прочим, предметом спора и обсуждения в 60 гг. прошлого XIX столетия между известным Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым), ряса которого постоянно, по его выражению, «пугалась в обер-прокурорских шпорах», и тогдашнего синодального обер-прокурора гр. А. Н. Толстого. Гр. А. Н. Толстой препроводил на рассмотрение Московского митр. Филарета проект о сложении священного сана, где проводилась, между прочим, тенденция о неизгладимом характере священства. Рассмотрев этот проект, митр. Филарет от 22 января 1860 г. представил обер-прокурору свою краткую записку с отрицательным заключением о неизгладимости священства. Тогда (7 ноября 1860 г.) гр. Толстой, при секретном отношении прислал к митр. Филарету истребованные от начальника духовной русской миссии в Иерусалиме, еп. Мелитопольского Кирилла, бывшего настоятеля русской посольской церкви в Афинах архим. Антонина и находившегося на Востоке архим. Порфирия отзывы о сложении священного сана, прося опять митрополита дать заключение и по этим отзывам. Преосв. Кирилл и о.о. архимандриты свидетельствовали, что на Востоке не существует снятия или лишения священства, а благодать его признается неотъемлемой, и что в Греции знают только священников, пребывающих под вечным запрещением. Согласно со своим первым заключением, митр. Филарет и по поводу указанных отзывов опять 9 декабря 1860 г. выразил мнение, что учение о неизгладимости благодати священства не основано ни на Св. Писании, ни на суждениях св. отцов, противно канонам, и что Россия не должна подражать в этом Греции. Тем не менее, кроме всего прочего и здесь факт остается, как и остается, фактом: Русская Церковь в сем немаловажном вопросе остается сепаратной, при «особом», а не вселенском мнении. Католический же Запад, как раз обратное, со времени Тридентского Собора (1563 г. заседание XXIII) провозгласил даже в качестве догматической истины. То же мы находим и у богословов англиканских (Downies и др.). Для оправдания этого неприятного для властолюбивого Филарета, как и для других наших самодержцев-владык и консисторских дельцов разрешения данного вопроса имеем, хотя и косвенные, но довольно твердые данные и в самом судебном процессе извержения. «Епископ или даже собор епископов православно мыслящих,—пишет автор известного исследования о священстве, проф. В. И. Экземплярский,—низвергают известное лицо. Ясно без доказательств, что их приговор немедленно вступает в силу и отседе клирик изгоняется в число мирян. Но вот он подает жалобу первенствующему в области епископу или же большему собору. Дело рассматривается вновь, и приговор предшествующей духовно-судебной инстанции или утверждается или отменяется, «епископ же, праведно или неправедно извергший... благодушно сносить должен, да будет исследование дела и приговор его или подтвержден будет, или получит исправление». Ясно само собою, что здесь идет речь о чисто дисциплинарной стороне церковной жизни. Низвержение может быть утверждено или отменено, и обвиняемый восстановлен в прежний чин. Но как, спросим, было бы возможно это, если бы акт извержения был бы вместе с тем и актом, лишающим благодати. Ведь ошибочное решение вовсе не то же, что решение незаконное; оно—действительно, так как совершается законною церковною властью, которая, однако, в силу своей ограниченности, способна и заблуждаться. Поэтому восстановление высшей инстанцией низверженного судом епископа или собора епископов возможно лишь в том случае, если благодать священства все же пребывает на низложенном, в противном случае, нужно новое преподавание благодати, новое рукоположение, чего, однако, никогда не бывает и, как мы видели, быть не может в силу определенных церковных законоположений. Таким образом, окончательный вывод, к какому мы приходим на основании сказанного нами по вопросу о неизгладимости благодати священства—тот, что акт низвержения есть акт дисциплинарный, определяемый канонами церкви, а не богослужебный, и самой благодати в ее внутреннем существе не касается, а лишь имеет целью предотвратить возможность злоупотребления этим благодатным даром. Такое решение вопроса, кроме его согласия с историей и

законами Церкви, вполне согласно и с самим духом жизни последней. Церковь только дарует благодатные дары, но никогда их не отнимает. С этой точки зрения соединять с низвержением мысль о каком-то внешнем отнятии благодати священства представляется чрезвычайно странным и ничего подобного в Жизни Церкви мы не встречаем. Никогда и никого Церковь не лишает раз преподанных ею благ. Самая высшая форма церковного наказания—анафема—и та состоит в отсечении негодного члена Церкви впредь до его покаяния и при том отнесется, как видно из этого, к будущему, вследствие чего от анафематствованного не «отнимается» благодать крещения, миропомазания и т. д., совершенных над ними в Церкви до грехопадения» (Библия и святоотеч. учение о сущности священства. Киев. 1904, стр. 236—245). Небезынтересно в связи с этим следующее. Апостольское правило 28-е говорит: «аще праведно изверженный дерзнет коснуться служения, таковой совсем да отсецется от Церкви». Почему? Потому, по видимому, (т.-е. мысль авторов сего правила не иная), что служение его, как утерявшего благодать священства, уже не есть служение, а кощунство, посягание на таинства Церковным. Но вот вдруг, совершенно неожиданно, у такого канонического авторитета, как Вальсамон, мы по сему поводу, в толковании на правило сие, читаем: «но если поставленное против него судебное решение подлежит еще сомнению, то не будет осужден, если и служит». Итак, несмотря на судебное постановление о лишении виновного—или якобы виновного—сана, благодать священства и право совершать богослужение оказывается налицо. Значит, дело не так просто и дело не в безблагодатности. Благодать не смываема. То же говорит постоянно и Церковная история. Вот немногие, взятые для примера факты. Неужестивенный Александрийский епископ Дмитрий, по зависти лишает известного учителя Церкви Оригена пресвитерского сана, лишает соборно со всеми своими египетскими епископами, рассылает по всем остальным церквам и их представителям о сем окружное послание,—и что же? Епископы Финикии, Палестины, Аравии и Азии относятся к этому, как к мертвой букве, принимают Оригена в общение, а св. Григорий Неокесарийский Чудотворец выступает даже в честь него с панегириком. Дальше. Собор Константинопольский 861 г., так называемый Двухкратный, ссылаясь на Апост. пр. 30-е, лишает сана известного противника п. Фотия патр. Игнетия, а собор Константинопольский же 869 г. лишает сана Фотия, в конце же концов Церковь их обоих причисляет к лику святых в «сущем сане». Московский Собор 1666—1667 г. о патр. Никоне постановляет: «мы учинили его всякого священнодействия чужда и чтобы он архиерейская ему действовал, обнажили его омофора и епитрахили, именоваться ему простым монахом Никоном, а не патриархом Московским». В решении сем участвуют Восточные, нарочито прибывшие в Москву патриархи; патриарх Александрийский Паисий, как «Судия вселенной» снимает с него патриарший клобук и одевает простой монашеский. Но те же восточные патриархи, по смерти Никона, в известной своей грамоте по сему поводу царю Федору Алексеевичу, признавая низложение незаконным, пишут: «Патр. Никон столп благочестия, непоколебимый и божественный и священных канон оберегатель преискуснейший, и отеческих догматов и повелений и преданий неизреченный ревнитель и заступник достойнейший». И так и здесь все сегодня так, завтра иначе, все, скажем, опять «человеческое, слишком человеческое». Каковы же итоги? Благодать есть благодать веры, а таковая, истекая от «Начальника и Совершителя веры (Господа) Иисуса» (Евр. XII, 2) передается преемственно. Носитель этого преемства Церковь Христова, все крестившиеся в Него крестились «во имя Отца и Сына и Св. Духа» и потому, где есть крещение, его преемственность, там есть и эта преемственность. Совершители хиротонии, епископы лишь народные представители, его уполномоченные, и как таковые, не больше его в целом, не выше Церкви, воодушевляющим ее Духом питаются. Но и Церковь, через которую, через веру которой имманентно действует в таинствах Дух Святой, не крайний Судия, и ее суд может быть ошибочным, да и кроме того это есть лишь суд, суждение, сохранило ли, имеет ли то или иное лицо божественную благодать, благодать священства или утерять, не восприняло ее. Потеря, как и восприятие принадлежит лишь ему самому, только от него самого, от его духовного содержания зависит. Здесь ни каноны, ни расколы, ни счеты и расчеты человеческие не причем. «Дух дышет, идеже хочет: не знаешь откуда (и когда) приходит, куда (и когда) уходит».

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ.

Секта адвентистов.

Секта адвентистов является в настоящее время одной из самых модных и воинствующих против православия сект. Успеху ее пропаганды в России способствовали: обстоятельство последнего времени, когда люди под влиянием великих политических и социальных потрясений стали увлекаться мистицизмом и в частности эсхатологическими чаяниями, а также методы пропаганды этой секты, проводимые неуклонно и настойчиво.

Родина адвентизма—Америка, где эта секта зародилась в недрах баптизма. Основателем секты был баптистский пресвитер Вилиам Миллер, который, начитавшись пророческих книг Библии, пришел к убеждению, что второе пришествие (adventus, отсюда адвентизм) должно наступить скоро, в чем его убеждали и некоторые астрономические данные, неправильно им истолкованные. В своих проповедях Миллер стал останавливать исключительное внимание на скором пришествии Спасителя и назначил даже год (1843) и даже день пришествия Спасителя. После неудачи в этом году было назначено число в следующем—1844 г. Когда это предсказание не исполнилось, многие последователи Миллера отшатнулись от него. Оставшиеся верными ему на конференции в Нью-Йорке в 1845 г. составили свое вероучение. Вскоре адвентизм раскололся на 7 течений преимущественно по вопросу о душе человека. Из этих течений необходимо отметить адвентистов 7 дня, которые распространили адвентизм и у нас в России. В 1861 г. в Мичигане организовалось большое издательское общество, печатающее на всех языках цивилизованных народов литературу адвентистов. В 80-годах во главе этого течения адвентистов стояла пророчица Елена Уайт, авторитет которой стоит до сих пор весьма высоко. Из Америки адвентизм перекочевал и в Европу, где имел последователей прежде всего в Базеле, а потом в Гамбурге, который и стал центром секты, где имеются семинарии и центральное издательство, которое имело отделения почти во всех странах света. В Россию адвентизм проник в начале 90-х годов и занесен сюда проповедником Иоганном Перком. Адвентизм появился сначала в Крыму, в частности в Евпатории, откуда перекинулся от немецких колонистов и в среду русских, сначала в Крыму, а потом в Бессарабии, Подольской и Киевской губ. Киев стал центром адвентизма, особенно после 1905 г. С Украины секта перекинулась по всей России и даже Сибири и Средней Азии. Методы пропаганды секты в то время: устройство молитвенных собраний, усиленное, часто доходящее до нахальства зазывание на них православных и баптистов, бесплатная раздача литературы, выступление с пропагандой при всяких благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах, при выполнении всякой работы у православных. Для успеха пропаганды вся Россия до революции была разделена на 5 округов—«полей», во главе коих стояли лучшие проповедники: Южно-Русское, Северо-Русское, Кавказский Союз, Восточно-Русское и Средне-Русское. До 1907 года Россия входила в состав Германского Союза адвентистов, а с этого года была выделена в самостоятельный Русский Союз. Ежегодно адвентисты устраивали в разных «полях» конференции. На конференции 1905 г. было постановлено послать адрес Николаю II, в котором, исповедуя свои религиозные убеждения, адвентисты выражали свою глубокую скорбь в виду тяжелого положения отечества, умоляя Всевышнего о полном успокоении Родины, при котором она могла бы продолжать свое развитие. В адресе была указана цифра адвентистов—80.000 во всем мире и до 2000 в России. Цифра эта по их отчетам должна быть больше, но из нее исключены все те, кто не платил т. н. десятины, которая собирается с каждого адвентиста, и которая идет на нужды секты, главным образом на пропаганду и содержание проповедников. В 1912 г. они имели до 1000 проповедников во всех важных городах света. В 1907 г. в течение 9 месяцев 2558 русских адвентистов пожертвовали на распространение адвентизма 16.119 р., т.-е. в среднем 7 р. 14 к. с каждого. В 1911 г. взоры адвентистов были устремлены на Сибирь, которая была выделена в специальное миссионерское «поле».

Адвентистами в прошлом издавался журнал «Маслина» и ряд брошюр для бесплатного распространения. В настоящее время издается журнал «Благовестник» в Киеве и Der Adventist на немецком языке в Москве. За границей ими издается несколько журналов.

В настоящее время адвентизм насчитывает до 122.000 последователей, из коих до 11.000 в СССР.

Догматическое учение адвентистов тождественно с учением баптистов. (Учение об оправдании верой, отрицание обрядности, иерархии и т. д.). Отличие адвентистов от баптистов заключается в следующем. 1) Самый существенный пункт учения адвентистов—учение о скором пришествии Спасителя, при чем адвентисты, в отличие от православных учат, что пришествий Спасителя будет не одно, а два. Хотя ожидания Миллером второго пришествия в 1844 г. не оправдались, хотя также не сбылись и предсказания Елены Уайт о пришествии Спасителя в 1913, 1924 г. (неудача в последний год оттолкнула многих адвентистов прямо в безбожие), тем не менее адвентисты упорно держатся этого учения и в оправдание Миллера говорят, что он допустил некоторую неточность, именно упустил из виду, что Христос, по словам Писания, должен раньше пришествия на землю, сойти в небесную скинию, что и случилось в 1844 г. и теперь Христос и пребывает там, очищая своих последователей-адвентистов. На вопрос, на какой же срок Христос взойдет туда, адвентисты называют разные сроки: 1913 г., 1925, 1995 г. Во время пришествия Спасителя оживут все адвентисты и будут царствовать со Христом 1000 лет. Занятие их в это время будет состоять в суде над грешниками—т.-е. всеми неадвентистами, который адвентисты представляют в грубо-чувственном виде—в виде канцелярий с громадными книгами, на основании справок из них адвентисты будут собирать материалы о каждом. По истечении 1000 лет Христос в третий раз придет на землю и истребит всех нечестивых, которые под предводительством сатаны предпримут ожесточенную брань против Христа, но будут побеждены и истреблены совершенно. Тогда наступит вечное царство Христа; по некоторым и ему назначается срок в несколько сот тысяч лет, но что будет дальше—адвентисты не говорят. 2) Адвентисты, держась буквального понимания Писания и не сопоставляя одни места Писания с другими для установления истинного смысла Писания, вдаются часто в материализм, в особенности в учении о душе человека, которая по учению адвентистов, умирает вместе с телом и потом воскресает с ним, как находящаяся в крови человека. Раз кровь, как материальная субстанция разлагается и уничтожается, уничтожается вместе с ней и душа. По другим, душа после смерти находится в бессознательном состоянии. Соответственно первому взгляду адвентисты учат, что после третьего пришествия в мир Спасителя, грешники будут уничтожены совершенно вместе с душами своими.

3) Адвентисты вместо воскресения празднуют субботу.

Из Св. книг наибольшим уважением пользуются пророческие книги ветхого Завета и Откровение Иоанна Богослова

Адвентисты с особенною неприязнью относятся к католицизму и считают папу антихристом, относя к нему все апокалипсические изречения об антихристе и подводя под свои толкования хронологические даты.

Культе адвентистов почти тождественен с культом баптистов. Адвентисты стараются в своем культе копировать новозаветные события. Так крещение они стараются совершать в 30 лет (по примеру Христа) и обязательно в проточной воде. Особенностью богослужбных собраний их являются т. н. субботние беседы, превращающие богослужбные собрания в настоящую школу. Собравшиеся разделяются на группы и последовательно определенную книгу Писания. В следующую субботу пресвитер спрашивает пройденное, вызывая собравшихся по именам, а затем адвентисты опять разбиваются на кружки и проходят следующие места Писания. Строгая система в проведении этих бесед поражает новичков, посещавших собрания. Кроме того один из присутствующих ведет как бы протокол собрания и на следующем собрании зачитывает его.

Поражает своей строгостью и организация общин адвентистов. 11.000 верующих в СССР организованы в 430 общин, которые в свою очередь организованы в 24 союза, 6 областных союзов и 1 всесоюзный на территории СССР.

Разберем кратко учение адвентистов.

I. О праздновании субботы.

Адвентисты ссылаются на

а) благословение Богом субботы еще во время пребывания Адама в раю (Быт. II 2—3). Но в этих словах не содержится заповеди людям почитать субботу, и из истории человечества до Моисея не видно, чтобы люди праздновали субботу.

б) 4 заповедь, данную Богом на Синае (Исход. XX—18—22) Евреи должны были праздновать субботу, иначе они были бы под клятвою закона (Втор. XXVII—26). Христиане же свободны от этой клятвы закона; Христос освободил людей от слепого буквализма в понимании Слова Божия, истолковав в Нагорной проповеди закона в совершенном смысле. Кроме того, весь обрядовый закон и обрезание был отменен Ап. на Апостольском Соборе (Деяний XV). Ср. Колосс. II. 16—17.

в) Пример Христа, чтившего субботу. Но Христос соблюдал субботу, потому, что как Иудей, Он обязан был подчиняться обрядовому закону до времени отмены этого закона заключением с людьми, «Нового Завета Его Кровию» (Лук. XXII 20). С другой стороны—Христос, чтя субботу, своими примерами указал истинный смысл празднования ее, нарушая субботу совершением дел милосердия.

г) Пример учеников Христа—мироносиц (Лук. XXIII—56), Апостола Павла, выступавшего с проповедью именно в субботу. (Деян.—XVII 2, XVIII, 1—4). Но мироносицы чтили субботу, потому что находились еще под законом. Ап. Павел выбирал субботний день для проповеди потому, что в эти дни ему удобнее было выступить пред массою евреев. Но Он проповедывал не исключительно в субботу (Деян. XVII, 17—20).

д) Будто бы в Новом Завете нет указаний на празднование воскресного дня.

Но ведь в Новозаветных Писаниях (Деяниях Апостольских, Посланиях и Откровении) нет не только заповеди о почитании субботы, но даже нет указаний на то, что христиане праздновали субботу, так как упоминание о проповеди Ап. Павла в субботу нельзя понимать в смысле свидетельства о праздновании им субботы. Напротив есть 3 места, которые говорят о праздновании воскресного дня.

1) Деян. XX, 7: «в первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними. В горнице, где мы собрались, было довольно светильников». Очевидно это было торжественное праздничное собрание с усиленным освещением, на котором совершалось преломление хлебов.

2) «В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду» (Коринф. XVI—1). Для успеха сбора конечно было необходимо, чтобы он совершался при многолюдном собрании, каковое естественнее предполагать в праздник. Замечательно то, что и адвентисты на своих субботних собраниях устраивают у себя сбор первого дня недели в пользу бедных, при чем этот сбор отличается от обычного сбора в пользу общины.

3) «Я был в духе в день воскресный»—говорит в Откровении Иоанн Богослов (I—10).

Адвентисты на эти тексты обыкновенно говорят, что у нас нет оснований под первым днем недели разуметь воскресенье. Простая арифметика говорит, что если 7-м днем называется суббота, то первым будет воскресенье.

4) Ап. Иоанн в своем евангелии, написанном в конце I века христианской эры, всегда называет субботу праздником иудейским (11, 13, VII, 2, V 1, 9—10), ясно подчеркивая этим, что суббота не является христианским праздником. Адвентисты в последнее время указывают на то, что они признают данные объективной истории и пользуются ими там, где им нужно (достаточно указать на то, что в журнале «Благовестник» перепечатана статья из официального органа Св. Синода Украины, в которой собраны исторические, в том числе святоотеческие доказательства исторического существования Христа). Пусть же они обратят внимание на то, что в древней церкви христиане называли воскресенье еще «днем Господним» и «днем Солнца», отсюда немецкое Зонтаг, разумея под этим днем первый день недели, который свято чтился христианами. Из церковных Писателей о праздновании именно воскресного дня говорят: Ап. Варнава (Гл. XIV), Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский в 107 г. в послании к Магнезийцам) гл. IX и X: «жившие в древнем порядке дел приближались к новому упованию и уже не субботаствовали, но жили жизнью воскресения». Иустин Мученик во II в. в Апологии к Импер. Антонину, гл.

67 говорит, что христиане собирались в день называемый воскресеньем, чтобы слушать чтение апостольских Писаний», 64 правило Св. Апостолов. «Учение 12 Апостолов, написанное не позже начала II в.,» «Постановления Апостольские» и др.. Поэтому не правы адвентисты, когда они говорят, что празднование воскресного дня было установлено лишь Константином Великим.

Приведенные факты и свидетельства говорят, что празднование воскресного дня началось с первых дней христианства. Константин же только узаконил празднование воскресного дня с целью оградить его от нарушения и оскорбления со стороны язычников.

Говорить так, как говорят адвентисты, значит—зачеркивать всю девятнадцативековую историю христианства и представлять всех христиан заблуждающимися, а только 122000 адвентистов—правильно понимающими Св. Писание и знающими хорошо историю.

В заключение необходимо указать на то, что в последней декларации 1924 г. адвентисты заявляют, что у них нет праздников, кроме субботы, потому что ветхозаветные праздники утратили свое значение, а остальные праздники, не исключая и Рождества Христова, имеют под собой языческую подкладку. Почему же тогда суббота, как ветхозаветный праздник, не утратила своего значения? Хочется спросить—веруют ли адвентисты в воскресение Христа, а если веруют, то почему праздник воскресения они считают имеющим языческую подкладку.

II. Учение о душе человека.

а) адвентисты ссылаются на места Св. Писания, где говорится что душа находится в крови; «Душа всякого тела есть кровь его душа его, потому я и сказал сынам Израилевым: не ешьте от крови от какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: все кто будет есть ее, истребится» (Левит XVII—14, тоже Второз. XII—2 Быт. IX—4—5.) На это необходимо указывать, что 1) в данных местах Писания говорится о душе животных, как способности жизни, а не о душе человека,—2) в писании ясно указана разница между душой человека и животных как по происхождению, так и по природе. Быт. 1—20—24 ст. говорит о происхождении души животных: «Да произведет вода пресмыкающихся душу живую, да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, гадов и зверей земных».

Совсем иначе, по слову Божию, созданы души людей: «и создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живую» (Быт. II—7)

По своей природе, по учению Слова Божия, душа животных и человека существенно различаются. Дело в том, что для обозначения духовной природы человека в Писании употребляются два термина: душа (по еврейски—нефеш,) и дух—(руах). Под душой разумеются низшие способности человека, которыми обладают и животные: способность жизни движения, памяти и т. д.; под духом же разумеются высшие способности человека, отличающие его от животных—способность самостоятельного волеизволения, разум и т. д. В Библии термин «руах»—дух никогда не употребляется, когда говорится о душе животных, хотя в приложении к человеку оба эти понятия часто смешиваются. Ап. Павел (Посл. к Коринф, I, гл. II, ст. 14—15) ясно различает душевного человека (живущего интересами животного) от духовного человека, живущего интересами высшими, подчеркивая наличие в человеке этих различных начал (см. также Евр. IV—II фессал. V—23).

Поэтому не правы адвентисты, когда говорят, что Библия душу человека полагает в его крови, даже отождествляют душу и кровь, и на основании этого говорят об уничтожимости, разложении души вместе с телом.

2) Адвентисты утверждают, что в Библии есть ряд мест, где душе приписываются свойства материальных предметов: она может есть, пить (Числ XI—6, Лука XII—19), что ее можно уловить (I Царств XXIV—12, Псал. 55—7, 123,—7), что она умирает (Числ XXIII—10 Иова VII—15), что ее можно убить, уничтожить (Втор. XXVII—25, Быт. XVII—14 Исх. XXII—12). Правда, такие места действительно в Библии есть, но их нельзя понимать буквально, как нельзя понимать в буквальном смысле выражений Библии и в тех местах, где Богу, высочайшему Духу, с чем конечно согласны и адвентисты, приписываются материальные свойства (очи, уши, обоняние, руки, ноги и т. п.), а нужно смотреть как на поэти-

ческие образы, понятные для масс, потому что Библия в большей части своей [есть дивное поэтическое произведение, в котором высочайшие истины раскрыты, сообразно характеру писателей и применительно к массам, в поэтической форме. Недаром и Спаситель излагал свое возвышенное учение в притчах и образах, более понятных простому народу. Так точно нелепо, на основании поэтических выражений, утверждать, что душа человека вместе с телом нуждается в пище, что ее можно уловить, убить, уничтожить, и что следовательно, она уничтожима, как материальное начало; напротив, в Писании есть не мало мест, более ярких, из коих видно, что по природе своей душа отличается от тела, что она духовна и бессмертна: «Не бойтесь убивающих тело, душу же немогущих убить» (Матф. X—28), «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у него все живы» (Луки XX—38).

Если бы души людей после смерти уничтожались вместе с телом или даже (как учат некоторые адвентисты) находились бы в бессознательном состоянии, то как можно понять целый ряд мест Писания, где говорится о посмертном существовании людей, как понять явление умершего Моисея на Фаворе при Преображении (Луки XVI), проповедь Христа во аде (I Петр. III—18—19), обещание Спасителя благоразумному разбойнику: «ныне же со мной будешь в раю» (Луки XXIII—43), слова Откровения Иоанна, где говорится, что умершие «поклоняются Живущему во веки и поют Ему песнь новую» (V—8—9, VII—9—10 и др.).

Говоря о воскресении мертвых пред страшным судом, Св. Писание ясно подчеркивает, что воскреснет только тело человека, которое после воскресения преобразится в бессмертное и нетленное, чтобы быть участником вечной жизни, и даже то движущее человека начало, жизненное начало, которое мы называли выше словом «душа, и то преобразится», «сеется тело душевное, восстает тело духовное». Следовательно, человек будет освобождаться от грубо материального состава, с которым он жил на земле.

Поэтому, на основании ясных слов Писания, мы можем признать учение адвентистов в этом вопросе неправильным и даже нехристианским.

III. О втором пришествии Спасителя.

Если бы адвентисты внимательно прочитали новый завет, то увидели бы, что попытки разрешения вопроса о времени второго пришествия Спасителя имели место еще во времена апостольские, все они принимали уродливые формы и были осуждены церковью.

В самом первом своем послании Ап. Павел предостерегал христиан: «Молим вас, братья, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к нему не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов». (II Фессал. II—1 ст.) Очевидно, и тогда находились люди, которые учили о скором пришествии Спасителя и пользовались для этого авторитетом Ап. Павла. Этому ожиданию способствовали тяжелые времена гонений на христианство, особенно при Нероне, которого христиане считали антихристом. Это ожидание близкой кончины мира было одной из причин образования раскола монтанистов. В истории русских религиозных движений

это настроение не ново. Известно, что старообрядцы видели в Петре I антихриста и прибегали к массовым самоистреблениям. Известны даты ожиданий пришествия Спасителя: в 1832 г. таврическими сектантами, в 1864 г. молоканами секты «общих» на Кавказе, в 1895 г. духоборами на Кавказе в 1897 г. старообрядцами в Терновских хуторах близ Тирасполя, когда 2 человек старообрядцев закопалось живыми в землю, в 1899 г. сектантами малеванцами в Киевской губ., в 1902 г. ими же в Елизветградском уезде, в 1909 г. последователями иеромонаха Иннокентия в Молдавии и др. След. и адвентисты делают не новое, только они стараются основать свои ожидания на более твердых основаниях Св. Писания. Но они забывают слова Спасителя, сказанные апостолам: «бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын человеческий» (Матф. XXV—13); «о дне том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Матф. XXIV—36, 44; ср. Деян. I—6—7; I Фессал. V, 1—3).

Кроме того адвентисты неправильно толкуют учение Христа и апостолов об антихристе, который, по учению их, воплотился в папстве, как институте, который имеет все признаки антихриста, указанные в Слове Божиим. Но антихрист не есть целый ряд личностей, а одно определенное лицо — человек греха (2 Фессал. II, 3; ср. Ев. Иоанна V, 43) Затем, при всем предубеждении против папства, никто из историков, даже знавших интимную жизнь папства, не станет отрицать того, что папы все были христиане, чуждые того, что приписывает Ап. Павел антихристу, и православная церковь видит в них законных епископов, имеющих апостольское преемство, и поставленных ими клириков принимает в сущем сане.

Математические вычисления адвентистов времени пришествия Спасителя, связанные с историей папства, являются совершенно произвольным толкованием Слова Божия и не оправдываются действительностью, хотя бы в фактах неисполнения предсказаний Миллера и Елены Уайт о времени пришествия Спасителя. Обыкновенно буквализмы в понимании Библии, адвентисты тут отходят от своего метода и впадают в слишком большой и смелый субъективизм. Миллер предсказывал год пришествия Спасителя в 1843, 1844 г. Проповедник Эдвин Дайманд назначил 1910 г. Ван-Бенинген — в 1914 г. Другие назначали 1925, 1995 г.

Указание адвентистов на то, что астрономические явления, мировые потрясения, войны, имевшие место в недавнее прошлое, доказывают близость пришествия Спасителя, не имеют под собой почвы, потому что такие самые явления были и раньше в истории человечества, тем более, что и Христос, указавши на эти бедствия, сказал: «надлежит всему этому быть, но это еще не конец» (Матф. XXIV, 6—7).

Учение адвентистов о двух еще пришествиях Спасителя противоречит словам писания, так как Христос нигде не говорил об основании тысячелетнего царства, а говорил об одном последнем и страшном для человечества и мира пришествии, когда он произведет суд над ними последний и окончательный, после которого наступит вечное блаженство для одних и вечные мучения для других. (Матф. XII, 37—43; XXV, 31—46, Евр. IX, 28.)

Таким образом все учение адвентистов противоречит Слову Божию, понимаемому правильно в согласии с контекстом речи

Богатство православия и нищета сектантства.

Всякий, посещавший сектантские религиозные собрания, по опыту убеждается, как бедно содержанием богослужение сектантов всех течений. В первый раз как-будто покажется, что видишь, слышишь все новое, какое-то живое, трогательное за душу. Многие, посещавшие эти собрания в первый раз, рассказывали потом о сильном впечатлении, какое оставляли эти собрания на новичков. Но стоило побывать три—четыре раза, как все в богослужении сектантов казалось однообразным и скучным. В самом деле как однообразны эти собрания: сначала предварительная молитва, почти всегда одного содержания, затем проповеди с уклоном всегда в сторону излюбленных тем и с игнорированием тех текстов и логических выводов из них, которые невыгодны для сектантов, затем гимны с однообразным тоном содержания, наконец, импровизированные молитвы совершенно однообразные по содержанию и форме, подчас даже с выражением искаженных христианских истин. Вот и весь

культ однообразный для будня и для праздника, для простого дня и для величайшего христианского праздника Воскресения или праздника Рождества. Совершаемый обряд преломления хлебов, у некоторых сект предваряемый омовением ног, вносит мало разнообразия в богослужение сектантов и весьма похожий на обыкновенное вкушение пищи, мало трогает верующих, тем более, что и смысл этого обряда не так глубок, как глубок смысл православного таинства причащения. Но, скажут мне сектанты, мы отвергаем всякую обрядность, мы стараемся устроить наше богослужение, «по-евангельски», мы не хотим уходить из рамок евангелия и отвергаем все исторические наслоения. Это возражение против обрядности вообще и православной в частности всегда приходится слышать православным; с него большею частью сектанты и начинают свою пропаганду.

Не прибегая к специальной апологии обрядности, мы укажем только на то, что сектанты, отвергая обрядность вообще сами

на деле признают ее и заявляя, что они признают только те обряды, которые употребляли Христос и Апостолы, на самом деле изобрели новые обряды и отстаивают их с чисто старообрядческим упорством. Действительно, сектанты отвергли некоторые обряды, употреблявшиеся во время молитвы Христом и Апостолами, а другие, о которых нет и упоминания в Писании, выдумали сами, подтверждая ту истину, что без обрядов немудра никакая религия.

Так сектанты отвергли благословение руками (Лука XXIV, 50—51, Марк X, 16), поклоны во время молитвы (Матфея XXVI, — 39), употребление при богослужении свечей (Деян. XX—8), употребление фимиама (Откров. VII, 3—5) освящение пищи словом Божиим и молитвою (I Тим., IV, 4—5), особые священные одежды (II Тимоф. IV, 13) обряды покаяния (Иоанна XX—23), елеосвещение (Иакова V, 14—15) и др., оставив из новозаветных обрядов колено-преклонение и воздеяние рук.

Вместо всех этих обрядов сектанты выдумали свои новые, о которых не упоминается в Писании: напр. обряд совершаемый при крещении, когда крещаемого опрокидывают навзнич в воду, сложение рук на животе во время молитвы до и после принятия пищи, особый обряд брака, обряд наречения имени младенца. Если взять весь чин богослужения, то он отличается у сектантов обрядовым трафаретом: порядок чтения, пения, проповеди строго соблюдается, определенные гимны поются стоя, определенные молитвы читаются на коленях. Все это свидетельствует о том, что без обрядности не обойтись.

Не вдаваясь в оценку этой обрядности, мы остановимся только на том, что признается необходимым в богослужении и сектантами и православными и что, следовательно, может быть предметом сравнения—на молитве. Молитва у сектантов выливается в 2 формы: пения готовых псалмов и гимнов и произнесение импровизированных молитв. Первые представляют из себя переложение псалмов Давида и некоторых церковных песнопений и продукт творчества сектантских вождей, — гимны составлены по поводу отдельных текстов Писания, которые берутся как тема для гимна. В числе гимнов есть такие, которые специально назначены для употребления при совершении преломления хлебов, погребения, крещения, брака и т. п., при чем при этих гимнах указывались правила совершения этих сектантских обрядов (особенно много таких «специальных» гимнов в «Голосе веры», который явился для сектантов своего рода требником). Творцами этих гимнов были: Проханов, Сторожев и др.; часть гимнов была переведена с немецкого. Выше мы указали на бедность сектантских молитв и гимнов. Действительно они бедны содержанием, но ими сектанты пользуются как средством для пропаганды. К этим гимнам сектанты относятся с благоговением, смотрят на них, как на песни священные, заслуживающие почти такого же религиозного почитания, как и Евангелие.

Если рассмотреть эти гимны беспристрастно, то можно обнаружить, что в большинстве случаев они составлены не только безграмотно, но и бессмысленно (пусть сектанты посмотрят внимательно «Голос веры» 131, 35, Духовные Песни 87, 65, Гусли 246) и эти бессмысленные песни выдаются за творения выдающихся писателей; некоторые заключают в себе внутренние противоречия или противоречат одни другим (напр. в одних гимнах они поют о том, что они уже спасены, укрепились в добре, не боятся искушений (Гусли 135, Сбор. Дух. Песн. 380, 388, 236, Гусли 266), в других молятся о том, чтобы Бог спас их от искушений (Сбор. Дух. Песн. 100, 366, Голос веры 28 и др.); в некоторых гимнах допущено искажение Св. Писания и даже очевидные ереси (Напр. в песне: однажды ко Христу приходил Никодим (Сбор. Дух. Песн. 190), содержит очевидное извращение слов и учения Спасителя о св. крещении; в гимне «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» (Гусли 52) сектанты поют

«Не сам воздвиг себя, но собран из частей,
Постановлен силой из какой-то животворной
Над пропастью тьмы заполненной ею», —

сектанты не знают, кем сотворены, знают только, что поставлены «какой-то» силой, заполнившей пропасть тьмы: в песне «Разверзши свой недр земля» (Голос, Веры 192) они поют о том, что Христос спал, свой гроб пройдя; в песне «Когда, Христе, Ты смерть Свою ученикам явил» (Сбор. Дух. Песн. 79, Голос Веры 154, Гусли 454 и др.), а также в песне: «Я есмь овца Иисуса» — 4. содержится величайшая ересь, так как по смыслу этих песен Св. причащение установлено Христом только как «Знак любви союза», для воспоминания смерти Спасителя, при

чем вкушается вино и хлеб: все это противоречит ясным словам Св. Писания (Матф. XXVI—26, I Кор. X—16, XI 23—26, 27—30, и др.), где говорится, что Христос преподавал ученикам после благословения не простые хлеб и вино, а истинное тело и истинную кровь свою; в песне «Слушайте слово Бога Отца» (Гусли 70) содержится непонятная нелепость.

„Если краснее, чем пурпур вина,
Грехами душа сражена,
С верою вы говорите себе:
Ныне спасение мне“.

Значит, чем более грязна душа, тем ближе спасение; в песне „Приидите, смотрите какую кончину“ („Гусли“ 192, Собр. Дух. Стих. 68, Голос „Веры“ 101) сектанты поют:

„Кто собственной силой не ищет спасенья,
Тому жертва Агнца дает исцеление“.

Значит исцеление дается тому, кто сам ничего не хочет делать для своего спасения.

Что касается импровизированных молитв, то все они обыкновенно сходны между собою: содержат благодарение за спасение, благодарение за то, что Спаситель в этот утренний или вечерний час удостоил восхвалять его, просьба сохранить в дальнейшее время, просьба о неверных, об обращении их к евангелию (разумеются, главным образом, православные). Часто приходилось замечать, что в начале молитвы сектант обращается к Спасителю, а в конце заканчивает славословием Отцу, Сыну и Духу Святому, продолжая прежнее обращение к Спасителю.

Прямо неприятное впечатление производят молитвы истеричных сектанток, с их слащаво-сентиментальными обращениями: „Милый Дорогой Иисус“ и т. д. Повидимому, эти молитвы произносятся с искренним настроением, часто вызывают слезы, но впечатления, очевидно, не оставляют у самих молящихся. На собраниях „Пятидесятников“ я удивлялся под’ему молитвенного настроения, какое бывало у коленопреклоненно молящихся сектанток: все стоят с закрытыми глазами, одни улыбаются, другие плачут, женщины иступленно произносят сентиментальные эпитеты. Но вот пресвитер кончил заключительную молитву, все встали, сели на свои места, и от только что пережитых настроений не осталось и следа, как будто с неба сразу пали на землю.

Не даром более мистически настроенные из так-наз. рационалистических сектантов, не удовлетворяясь, очевидно, этими гимнами и молитвами, ищут новых путей для возбуждения религиозного чувства. Не даром руководители сектантских движений придумывают новые и новые трюки для того, чтобы сделать богослужение более интересным, готовят хороших проповедников со всеми манерами католических ксензов и такими проповедями поддерживает настроение.

И если с этим бедным бессодержательным и однообразным богослужением сравнить богослужение православных, то разница получится громадная. Я говорю здесь только о том неисчерпаемом источнике высших настроений, которое дают христианские молитвы-песнопения. К сожалению, этот источник сокрыт от верующих теми историческими наслоениями, которые отняли у нашего богослужения красоту содержания и подлинный смысл. Не будем скрывать того, что под влиянием монашества радостный, присущий христианству характер богослужения был подменен ложно понятым аскетическим настроением; что от богослужения осталась только неизменная часть (эктений, возгласы и под.), а то, что раскрывает сущность священных воспоминаний, их смысл и значение в христианстве или частично поется, или совсем выпускается. Жалко этих бесценных жемчужин христианской поэзии, где с красотой соединяется глубокий смысл, высокая догматика, возвышенная мораль, которые затеваются монотонным никому не понятным, никого не трогающим чтением псалтыри, звероподобным рычанием протоиерейских басов, или даже бездушным артистическим исполнением эктений, а стихиры, праздничные каноны, высокосодержательные молитвы остаются в тени.

А ведь если бы сделать их понятными, доступными верующим, тогда бы ясно было превосходство нашего богослужения пред сектантским.

Разве у них есть что-либо подобное нашему пасхальному богослужению, где все песнопения дышат высокой радостью, где в каждом слове, в каждой мелодии слышится торжество христианства, гимн победы Христа над смертью. Возьмите богослужение великой субботы, редкое по печальной красоте, Погребение Христа—исключительный по красоте и глубокому

содержанию канон с минорными ирмосами. Да разве сравнится с ним все самое торжественное богослужение сектантов? Возьмите трогательный покаянный канон Св. Андрея Критского: «Помощник и Покровитель», в котором проходит вся история человечества в ее отражениях в греховной жизни человека. Возьмите молитвы на великом освящении Св. воды в праздник Богоявления, особенно дивную молитву «Велий еси, Господи», в которой исчислены все благодеяния Божии к роду человеческому в самых разнообразных его проявлениях, и все это воплощено в редкие по красоте поэтические формы, напоминающие поэзию книги Иова. Возьмите молитвы за вечерней душой даже грешников, стоящих на пороге отчаяния, возможностью спасения даже во аде содержимых. Возьмите догматики в которых излагается вся тайна домостроительства. Возьмите наши даже повседневные песнопения — умиленное «Свете тихий», могущее успокоить самую возбужденную душу, молитву в конце вечерни, богатую содержанием, но в то же время простую, от которой так и веет первохристианской простотой. А есть ли у сектантов что-либо подобное чину брака, отпевания умерших. Ведь известно, что наше последование панихиды переведено на английский язык.

Не перечить, да и нет нужды пересчитывать эти жемчужины нашей церковной поэзии. Даже напевы-гласы, напр., и те отражают известное настроение; радость—I глас, спокойствие—4, грусть—6, возвышенно победоносное—8.

В целях борьбы с усиливающимся сектантством нашему духовенству необходимо вспомнить о том, каким богатством владеет церковь, но которыми не пользуются, потому что оно сокрыто под спудом. Внятное, ясное чтение молитв, особенно глубоких по своему смыслу, внятное, без выкриков и особен-

ного искусства пение песнопений, обязательное пение стихир и канонов известному дню раскроют пред верующими величие православия и бедность сектантства. Тогда не так страшны будут и нападения последнего. И делать это нужно не откладывая в долгий ящик; промедление смерти подобно, и если теперь сектантство распространяется широко, то в будущем это распространение пойдет еще быстрее, потому что перед массой будут предстоять следующие возможности: безбожие, которое увлекает большинство молодого поколения, консервативное православие, которое держится за букву устава, за традицию, как бы нелепо иногда она ни была, и сокрыв ценные свои сокровища, могущие удовлетворить потребностям верующей души, будет питать его сухой коркой обыденщины, за которую держатся по привычке, но которая при внимательном рассмотрении оказывается неспособной удовлетворить мятущиеся души — или сектантство, которое хоть и бедно, но стремится кормить нуждающихся в духовном утешении — старается подойти ближе к сокровенным запросам человеческой души и удовлетворить их.

Так как мы привыкли ценить уставность, то на первых порах необходимо поставить вопрос о реформе устава в таком направлении, чтобы использованы были и не оставались в тени те жемчужины, о которых говорилось выше.

(Редакция просит читателей высказаться по существу затронутого вопроса и попытаться разрешить его и с объективной точки зрения, и с точки зрения необходимости борьбы с сектантством, отнимающим чад у Православной Церкви отчасти потому, что Церковь не сумела использовать своих неисчерпаемых богатств, оставила людей голодными, а сектанты этим и воспользовались и на неудовлетворенности состоянием богослужения построили свою пропаганду).

Из жизни старообрядчества.

Современное старообрядчество, поставленное в новые условия исторического существования, мало изменило, или точнее сказать, совсем не изменило своей психологии. Пользуясь полной свободой внутреннего устройства, чего старообрядцы лишены были все время, они искренно благодарны правительству за нее и ведут себя совершенно лояльно к власти, отличаясь этим от сектантов и тихоновцев. В этом они консервативны, потому что и в прошлом, несмотря на жестокие преследования со стороны власти, они за редкими исключениями, оказывали лишь пассивное сопротивление, прибегая к самоистреблению путем самосожжения, самозамораживания, самозакалывания, или убежали в леса, превращались в странников-бегунов и т. д. Теперь же они искренно лояльны, потому что к их т. сказать природной лояльности они присоединяют благодарность за свободу. Пользуясь ею, они созывают съезды, на которых пытаются разрешить свои вековые вопросы.

У—поповцев—приемлющих Белокриницкое священство. На Рогожском кладбище состоялся в 1925 г. освященный собор, на котором присутствовало 16 епископов, во главе с Мелетием, Архиепископом Московским. Количество епископов, сравнительно с дореволюционным временем увеличилось. К этому числу нужно прибавить еще епископа Одесского, который почему-то не был на соборе; кроме того Нижегородская епархия вакантна. Новые кафедры учреждены в следующих местах: Харькове, Владимире, Семипалатинске, Минусинске. Очевидно, старообрядчество, если и не увеличивается количественно, то во всяком случае организуется и увеличивает количество епископий особенно в Сибири.

Собор выработал декларацию к правительству, в которой указал на то, что никогда старообрядцы не пользовались такой свободой, как теперь; что касается старого времени, то собор назвал царей палачами, за их жестокое отношение к старообрядцам.

Кроме того, собор выпустил послание единоверцам, в котором называл последних братьями не только по вере в Бога, но и по духу и преданиям древней церкви и по обрядам и обычаям церковно-отеческим. Характеризуя единоверие в его 125-летней истории (с 1800 года), собор говорит, что оно не достигло целей, которые ставили и единоверцы и православные, потому что первые были все время какими-то «пасынками православия», а последние не добились и того, чего хотели. Правда, единоверцы добились себе частицы своих желаний — приобрели себе епископа, но теперь, в виду раскола Синодаль-

ной церкви, очутились в ненормальном положении, не зная, куда пристать. На это-то обстоятельство и обратил внимание собор и приглашает единоверцев на соединение с собою, указывая на то, что нет теперь оснований для разделения, потому что старообрядцы уже более 70-ти лет имеют у себя епископов, клятвы соборов 1656 и 1666-7 годов старообрядцы считают «безрассудными и неосновательными». Старообрядцы призывают единоверцев к единению в виду того что они «переживают чрезвычайно бурное и критическое время, когда необходимо объединение и сплочение всех искренно верующих в Христа людей». Указанное послание свидетельствует о том, что единоверие действительно переживает сейчас какое-то ненормальное положение. Но навряд ли они пойдут на соединение с белокриницкой иерархией, потому что законность ее до сих пор находится под большим сомнением и голоса некоторых ученых в защиту ее не выражают голоса церкви, а являются лишь их частным мнением. Что касается оценки единоверия и его характеристики в прошлом, то в этом старообрядцы ошибаются. Беспристрастная история первоначального единоверия, исследованная мною в сочинении «Никодим Стародубский» (Киев 1915 г.), выводов которого не поколебали возражения старообрядческих писателей в их журналах, говорит, что основатель единоверия во главу переговоров с церковной и гражданской властью клал и искреннее соединение с православной церковью и не проводил тех сепаратистических тенденций, которые вкладывают в единоверие старообрядцы.

Старообрядцы-беглопоповцы пережили в 1924-25 году весьма важные события. Поиски ими законного епископа, более законного, чем белокриницкое священство, увенчались успехом. В конце 1924 года к ним присоединился обновленческий епископ г. Саратова—Николай и 25 августа 1925 г. тихоновский епископ г. Уфы—Андрей Ухтомский. Таким образом в беглопоповщине произошло совершенно безболезненно и трогательно соединение обновленчества и тихоновщины, при чем беглопоповцы оказались более объективными и справедливыми в суждениях об обновленческой иерархии, чем тихоновцы, совершающие вторичное рукоположение обновленческих епископов, в то время как беглопоповцы приняли одинаково и обновленца и тихоновца. Необходимо отметить, что в борьбе против нового епископа, положившего, может быть, начало более реальному единению старообрядчества с церковью, трогательно объединились рогожцы и б. противостарообрядческий миссионер, ныне Митрополит Тверской Серафим Александров. В виду того, что старооб-

рядцы, как народ осторожный и подозрительный, весьма тщательно собирали все сведения о епископе Николае и осаждали Св. Синод просьбами о выдаче им всевозможных справок о нем, Митрополит Серафим выдал старообрядцам справку о том, что летом (в июле) 1923 г. Собор епископов, под председательством Патриарха Тихона, запретил Еп. Николая в священнослужении за переход в старообрядчество. Дата этого деяния была не указана. Старообрядцы-беглопоповцы, обеспокоенные тем, что рогожцы во множестве распространяли копии этой справки за подписью Архиепископа Мелетия и его печатью, обращались в 1925 г. к Тихону, который сказал, что никакого соборного деяния об Еп. Николае не было. Кроме того Еп. Николай перешел в старообрядчество в самом конце 1923 г., а Собор о нем с осуждением его за переход в старообрядчество будто бы

состоялся летом 1924 г. Хотя беглопоповцам удалось отстоять репутацию Еп. Николая, тем не менее семена недоверия к Николаю были посеяны. Поступок же митрополита Серафима заклеймен беглопоповцами как подлог.

В начале 1925 г. к ним присоединился было епископ Филипп (из Нижегородской губ.), который был перемазан и через такой прием принят в старообрядчество, но получив аванс, снова перешел в тихоновщину, где и был принят без особых чинов-приемов.

Куда поведут новые епископы беглопоповцев, еще трудно усмотреть. Но несомненно лишь то, что беглопоповцы, гораздо терпимее относятся к обновленцам, чем тихоновцы, и если возможно будет воссоединить их с православной церковью, то они скорее соединятся с Священным Синодом, чем с преемниками Тихона.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНОЙ БЕСЕДЫ.

Слово в день празднования Смоленской иконы Божией Матери ¹⁾.

Необычен вид нашего храма в сегодняшний день.

Там, где обычно слышатся песни земной скорби, оплакивающей ежечасные разлуки, ныне раздаются торжественные песнопения в честь Богородицы и на смену рыданиям являются чувства духовной радости и сердечного умиления.

Какие картины видят изо дня в день, из года в год эти стены храма, эти безмолвные камни могильные, его окружающие.

Человеческое горе засеяло кругом всю эту обильную ниву, человеческое горе проложило по ней тропинки и дороги.

Оно текло сюда отовсюду, ища утешения, ища духовной отрады у иконы Небесной Заступницы.

И это утешение веры настолько сильно, что для многих храм сей, это место величайшей печали, становится местом величайшей и единственной утехи.

Но, кажется, возлюбленные братья, с несомненно обычными чувствами и несомненно в обычных условиях встречаем мы ныне наш праздник.

Где ясно ть и спокойствие сердец наших, с которыми мы привыкли молиться в этом храме?

Не смущена ли наша праздничная радость беспокойными думами о том, что исчезли братство и любовь в христианском обществе?

Не омрачена ли праздничная радость наша тревогами при воспоминании о тех распрях и разногласиях, которые возникли ныне между церковными людьми?

Возл. бр., все мы сейчас болеем теми болезнями, коими недугует Церковь Христова.

И со стороны лучших сынов ц-ви православной, верных и преданных ей, все чаще и чаще раздаются голоса за то, чтоб ц-ви возвращен был утраченный ею мир.

И эти голоса, готовые превратиться во всенародный вопль, не должны оставаться голосами вопиющих в пустыне.

И, прежде всего, должны откликнуться на эти распри, на этот разлад, на это горе мы — пастыри — и говорить с этого святого места до тех пор, пока рука наша, братски протянутая противнику, не встретит ответного пожатия.

Говорят, что распри и разногласия порождены реформами наших дней.

Но распри и разногласия стары, как христианство, и они начались вместе с ним.

Все 7 Вселенских Соборов, если и собирались, то только потому, что распри никогда не прекращались в истории церкви.

Но мир ц-ви всегда зависел от того внутреннего характера, с каким велись церковные споры, кои большею частью бывали ограничены строго определенными рамками догмата и лишены всего личного и стороннего.

Ибо: одно дело — распри и разногласия и другое — разделение и ненависть.

Я позволю себе сегодня указать вам, возл. бр., на великий исторический пример, из коего вы увидите, как можно вести споры, не погрешая против духа христианской кротости.

Я хочу увлечь вас с собою в глубь христианских веков, к первым дням только что народившегося христианства, когда истина Христова сияла во всей чистоте и блеске.

Я напоминаю вам то место из письма Ап. Павла к Галатам, где он говорит о своем столкновении с Ап. Петром.

Мы находим там следующие слова: «Когда пришел Петр в Антиохию, то я лично противустал ему, потому что он заслуживал быть исправленным».

Ссора готова была вспыхнуть по вопросу о том: обязательны ли для язычников, принимавших христианство, закон Моисеев или нет.

Другими словами: необходимо ли было язычнику, прежде чем стать христианином, сделаться израильянином.

Ап. Петр допустил ошибку и, кроме того, из угождения верующим, держался в этом вопросе двойственной политики.

Ап. Павел, видя ошибку и заблуждение Петра и усматривая в этом обстоятельстве, угрожающее порядку церковному, противустал ему, потому что он заслуживал быть исправленным.

Кто был тот, кому Павел противился?

Это не был незначительный человек.

Это был столп церкви.

Лицо высокого церковного авторитета, по своему положению в церкви, во много раз превосходящее современных папу или патриарха.

Петр — Ап. Иудеев. У него — ключи царствия. Он сосуд избранный.

Это ему было сказано Спасителем: «сделаю тебя ловцом человеков».

И тем не менее Павел ему противустал.

О Павле мы знаем, что это был Апостол языков.

Автор 14-ти книг нового завета.

Это Павел свыше вдохновенный апостол.

На пути в Дамаск он также слышал обращенные к нему слова Господа.

И он противится открыто Петру, — этому главе церкви.

Сопротивление Павла достойно его.

С первых слов оно полно искренности и терпимости.

Он не делает ничего тайно.

Он открыто оглашает перед всеми сущность своего протеста.

«Ведь ты, пишет он Петру, — не заставляешь евреев жить по обычаю язычников».

Зачем же ты требуешь от язычников, чтобы они жили по обычаю евреев?

Павел тайно не злословит.

Не возмущает тайно беспокойных и не пробует поднять одних верных против других.

Он знает, что строго ограниченные рамки догматического спора есть 1-ое средство, чтобы утишить разлад.

Он указывает на его ошибки, но он называет его столпом церкви.

И тут же прибавляет, — я ему сопротивлялся открыто.

Вот прямота и честность души истинно христианские.

Ап. Павел выступил с протестом против Петра, и этим примером он как бы дает право церкви свободно высказывать свою независимую церковную мысль.

¹⁾ Произнесено в Кладбищенском храме г. Ленинграда Протоиереем Алексием Измайловым.

Дает право безбоязненно указывать на ошибки отдельных членов церкви, будь это хоть самые видные служителя алтаря.

Будь это хоть сам глава церкви.

Ап. Павел сам был первым протестующим.

Он сам был первым реформатором.

Не погрешу, если, выражаясь языком сегодняшнего дня, я скажу, что он был как бы и первым обновителем церковным.

И новое церковное движение, содержащее в своем идеале обновление религиозной жизни людей, — так же открыто ни перед кем не таясь и ни от кого не прячась объявило верующим массам о своих целях и задачах, которые, как они нами понимаются, есть сопротивление мертвым, застывшим, бездушным формам церковной жизни, несущим ей вред и зло.

Следя далее за историческим спором, мы не можем не видеть, как оба вдохновенные апостолы чисты от всякого духа сепаратизма, желания разделяться и раздирать единое тело церкви.

Замкнулся ли который-нибудь из апостолов со своими последователями в своей церкви, чтоб строить отдельное христианство?

Закрыв ли который-нибудь из них свой алтарь, чтоб там не собирались иначе, как с его разрешения?

Пошел ли он на то, чтобы возвращать семена раздора, как бы для торжества истины?

Послание одного из апостолов отвечает на это.

В письме к Галатам Павел пишет, что он сопротивлялся Петру открыто, а в послании к Коринфянам горячо осуждает всякое разделение.

«Один из вас говорит — я Павлов; другой я — Аполлосов; третий — я Кифов.

Разве не все — Христовы.

Разве Христос разделялся.

Если Павел был далек от того, чтоб отделиться от тех, кому он оказал живейшее сопротивление, то и Ап. Петр также далек был от мысли объявить Церковь Павлову безблагодатной и еретической и лишит верных общения с нею.

И тот и другой желали до конца оставаться под единым знаменем Христа.

Они умели вести споры без ненависти.

Павел даже несколько не охладил к своему старинному другу и между ними остались самые сердечные отношения.

Возлюбленные братья, не правда ли большое горе, большой стыд, большой удар христианский вере, когда религиозные различия поселяют раздор между своими же.

Когда брат идет на брата, духовенство на духовенство, алтарь на алтарь.

Невозможно исчислить тех гибельных последствий, которые породили эти бесконечные раздоры.

Никто не может сказать, чем были бы сегодня люди и христианство, если бы возможно было уничтожить это человеческое несчастье, несчастье религиозное — войны религиозные, которые затеяют славу Божию.

Чем больше верующих раз'единяется, тем больше неверующих соединяется и утверждается в своем неверии.

Печаль и стыд, если различие религиозных взглядов разрушает любовь, разделяет друзей, превращая их во врагов.

Душа в такие минуты черствеет. Жалость погасает.

Каждый поступок, слово, взгляд истолковывается в дурную сторону.

И там, где Бог должен был бы видеть храмы любви и мира, человечество предлагает его глазам только бесконечные недоразумения и глухую ненависть.

И кроткая душа, не принимающая участия в этой борьбе, не может надеяться на мир нигде, как только в могиле.

Поучайтесь, поучайтесь, возлюбленные братья. Возьмите отсюда уроки и вы, которые пришли сюда в храм с чистыми

намерениями чистого сердца и вы, которых влекли сюда низкие побуждения недоброй души.

Павел написал в своем послании, что он сопротивлялся открыто св. Петру, и в том же самом послании говорит о нем, как о своем друге.

Мне остается отметить еще одну черту.

Сказать еще одно необходимое слово.

Но я не знаю, как его произнести.

Насколько оно не подходит к духу, который выявился в распре 2-х апостолов.

Вспомните это слово печальное и ужасное, которое служило к тому, чтоб растревлять эти распри.

Прислушайтесь к этому крику ненависти, который наперевы повторяли века и который столько сект посылали друг другу, как в войне диких посылают друг другу отравленные стрелы.

Анафема. Анафема.

Вот этот безумный глагол.

Из этого слова сделали христианское слово, но, к несчастью, оно указывает только на века невежества и варварства.

Это слово иногда еще срывается с уст церковных фанатиков наших дней, но оно целиком принадлежит прошлому.

В Новом Завете, этой Божественной книге, где каждое слово должно быть священо для нас, описывается состояние на 1-ом христианском соборе двух знаменитых служителей Бога.

Я читаю и перечитываю эту книгу.

В письмах двух славных противников я ищу слова — «Анафема»...

И я не нахожу его.

Я утверждаю, что слово «анафема» — не христианское слово и не может быть сродным Богу.

Это слово самое преступное посягательство человеческой гордости на право Бога.

И мы верим, что будет время, когда это слово станет неупотребительным и в конце концов, быть может, по заступничеству Спасителя, Бог сотрет его со страниц человеческой истории.

Какие же ныне уроки изнесем из храма?

Вот 1-ый из них: право независимой свободной мысли и право свободного оспаривания людских ошибок.

Истина утверждается не авторитетом и диктатурой сановных церковников.

Она основывается на точном смысле евангельского благовестия.

И 2-ой урок: какую страстностью и горячностью ни отличались бы церковные споры, мы не должны забывать, что в лице наших противников мы имеем наших братьев, наших друзей, наших соратников.

Мы должны думать о том, чтоб при этих спорах был нанесен наименьший вред милосердию, любви, миру.

Бог требует от нас гармонии сердец, хотя дух и находится в разногласии.

Возлюбленные братья, последователи Единой Апостольской Церкви.

Осуществляйте идеалы единства и мира Церковного.

Употребляйте ваши усилия, работайте над собой, чтоб увлечь вашим примером большее и большее число ваших последователей.

Научите противиться ошибкам людей и любить тех, кому вы противитесь.

Молитесь с ними.

Соединяйтесь с ними.

Возвестите им о Христовой свободе и о двух ее главных чертах: не быть ничьим рабом, но быть братом всех.

Небесная Заступница вместе с своим возлюбленным Сыном да совершит нас в этом святом делании. Аминь.

ОТДЕЛ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ.

В священный синод всероссийской православной церкви.

Членов причта и представителей обновленческих приходов г. Москвы.

Докладная записка.

Господу Богу угодно было возложить на нас высокий подвиг фактического осуществления давно уже назревших начал обновления в личной и церковно-общественной жизни русского народа.

То, о чем лишь только мечтали лучшие передовые мыслители прежних времен, начиная с славянофилов, — этих ультра-православных сынов церкви, теперь стало предметом нашей будничной фактической работы. Отделение церкви от Государства, соборность управления в церкви, прекращение борьбы между белым и черным духовенством, приближение богослужебного языка к уму и сердцу молящихся, широкое привлечение верующих к участию в управлении церковью, неустанная проповедь, одухотворение обрядов, углубление начал евангелия в жизнь пасомых вместо бездушного и формального обрядоверия язычества и пр., и пр., — все это или совершившиеся факты, или ближайшая цель нашей повседневной деятельности.

Работа эта серьезная и глубоко-ответственная. Как всякая крупная общественная работа, она протекает как бы пред судом истории, и недалек, может быть, тот момент, когда над нами история произнесет и свой приговор.

Все это обязывает нас к глубоко-вдумчивому и серьезному отношению к предмету нашей деятельности. Последнее стало особенно необходимо с того рокового момента, когда громадное большинство сынов православной церкви не поняло нас и клеветнически заподозрило нас в отступлении от веры, — в неправославии. Этот печальный факт положил глубокую пропасть между двумя образовавшимися в связи с ним группировками: тихоновцами и нами. Правда, время здесь явилось лучшим целителем болезни: три года, протекшие после первого обвиняющего нас клеветнического округа, заметно уже сгладили углы, ибо народ имел за это время возможность лично убедиться в явной несправедливости предъявленного к нам тяжелого обвинения. Но клевета далеко еще не изжита, и на дне души большинства еще ютится недоверие к нам, готовое подчас принять грубые формы прямых даже оскорблений. В этом недоверии лежит главная причина неуспеха в нашей работе. Есть и другая, зависящая на этот раз от нас самих. Мы имеем в виду нашу разобщенность. Достаточно одного беглого взгляда на условия обновленческой работы в приходах г. Москвы, чтобы ясно видеть, что каждый обновленческий приход в лице своих пастырей и отдельных прихожан работает за свой страх, каждый в своем углу, без всякой связи с другими такими же деятелями. Бывали, например, случаи, когда соседние обновленческие приходы узнавали о своем соседстве по истечении целого года своей деятельности. Неудивительно поэтому, что обновленческие причты зачастую не знают друг друга даже в глаза, не смотря

и на ничтожное количество свое, не говоря уже о мирянах. Такая работа в одиночку, при талантливости отдельных лиц, не может быть достаточно плодотворной. Используя силы отдельных работников, мы не в состоянии применить к делу коллективный опыт др. деятелей на той же ниве. Раздробляя силы, она ставит каждого деятеля в положение, про которое говорится в пословице: «один в поле не воин», часто вселяя в душу его уныние, оставленность всеми, неуверенность в успехе своего святого дела. Страдают от этой разобщенности и прихожане-обновленцы. Не видя себя в соприкосновении с сотнями и тысячами таких же, как они обновленцами, окруженные в своей обычной обстановке морем тихоновцев, они часто невольно тоскуют по тихоновщине, не давая себе труда глубоко проникать в идеи обновленчества. Таковы тяжелые последствия нашей разобщенности. Между тем мы хорошо знаем, что в единении сила, а в организованной сплоченности залог успеха. Наша объединенность, в случае ее осуществления, обогатила бы каждого опытом остальных членов ее, она вдохнет уверенность в малодушных, научит неопытных, исправит ошибающихся. Организованное объединение одно только может обеспечить планомерную методическую работу на местах, оказать реальную часто нужную помощь всех видов нуждающимся неокрепшим еще приходам. Оно одно только может дать нам возможность активно расширяться в своем движении, а не пользоваться только благоприятными случаями, так редкими. Из состояния унылого одиночества оно вывело бы нас на арену широкой общественной работы, осуществляемой не одним лицом, а всей совокупностью всех обновленческих приходов. Наконец, оно послужило бы связью между Синодом и Еп. Упр., с одной стороны и массой верующих с другой, уничтожив тем самым переживаемую сейчас оторванность обоих этих инстанций от народных масс. На самих прихожанах такое объединение отразилось бы в высшей степени благотворно в смысле углубления их сознания и перехода к активной работе, а иметь активных работников из среды самого народа громадный плюс в нашем деле.

В виду изложенного, мы нижеподписавшиеся, берем на себя смелость просить Священный Синод благословить объединение обновленческих приходов в лице членов причтов и представителей от прихожан (по числу первых) в форме очередных собраний (место, время их и разрешение гражданской власти на них будут подлежать особой выработке) для совместного обсуждения нужд каждого обновленческого прихода, способов их удовлетворения, для выработки общих методов проведения обновленческой работы и разрешения других вопросов, связанных с нашей работой по г. Москве.

Положение обновленческого духовенства в нашей окраине.

(Из Борисоглебск. у. Тамбовск. губ.).

Давление снизу, давление с боков, всевозможные козни от лжебратии и еще кое-что многое в этом роде, — вот положение, характеризующее пастыря-обновленца в нашей окраине. Он совершенно одинок. Счастлив он, если убеждения его разделяют сослуживцы его — диакон и псаломщик, но и это бывает очень редко: в большинстве случаев низший клир бывает враждебно настроен против своего священника-обновленца. Нередко диакон или псаломщик строят против него всевозможные козни, стараясь уловить его в какой-либо человеческой слабости; они зачастую составляют с недовольными прихожанами заговоры, пускают в ход даже шпионаж. В данном случае все действуют каждый в своих интересах: прихожанин стремится добиться старого, а диакон или дьячек, по просту без затей, воспользоваться местом священника. Каждый из этих последних отлично знает, что предвосхитить священничеству очень легко, лишь стоит заявить о своей приверженности к «староцерковничеству»; к его услугам явится все, — ему даже дадут средства для поездки

в Москву для «перемазывания». Пусть приход считается даже обновленческим, но и в таком приходе очень легко проделать эту «благочестивую подлость». Для священника-обновленца жизнь всегда преподносит неожиданные сюрпризы; он может ожидать от окружающей его среды всего, кроме доброго. Для многих такое изображение, пожалуй, покажется преувеличенным. Но в действительности же происходит то, что и это изображение есть слабая попытка нарисовать настоящую картину, близкую к правде... Во время гонения на христианство отцы предавали своих детей, дети — своих родителей, родные — своих родных. Нечто подобное творится и с обновленческим духовенством в нашей окраине. Пастырь-обновленец всегда должен ожидать предательства, потому что он, так сказать, вращается в сфере его. «Священничество — добровольное мученичество» — это положение всецело применимо к священнику обновленцу. Он действительно добровольный мученик, и мученик без всякой надежды на утешение в этом мире. Он видит, как в соседних селах

блаженствует сравнительно духовенство, потому что оно служит «по старому». Твердость его начинает колебаться и... мы не договариваем: каждому понятно, что колебание всегда приводит к жертве своими убеждениями. Благословенны вы, которые до конца держитесь того, во что облекли себя; тернист ваш путь!

По временам является потребность обменяться мыслями с кем-либо из сослуживцев своих. Эта потребность, конечно, присуща и священнику-обновленцу. Но где удовлетворить ее? Соседние священники-тихоновцы настолько враждебно настроены против него, что никакого даже общечеловеческого общения не желают иметь с ним; для них он «язычник и мытарь».

«И мучится (он) бедный в борьбе одинок,
И часто он гибнет, как в море челнок».

(Из стихов «Житейское море». Арх. Гермогена Ясновского.)

В нашей окраине, неподалеку от нас, проживает протоиерей — ярый староцерковник. Этот почтенный служитель Божий принял на себя миссию совращать прихожан обновленческих

приходов, вооружая пасомых против пастыря. Занятие — не особенно красивое; но что же делать, если он убежден в том, что «службу Богу творит»? Инквизиторы, ведь тоже были вполне убеждены в правоте своего дела, подвергая страшнейшим пыткам попавших в их руки еретиков; отцы иезуиты для славы Божией совершали иногда самые отвратительные поступки. Творя волю пославших, они тоже считали себя правыми в своих действиях и совесть их, вероятно, была чиста, как казалось им самим. Приход вооружен, священник лишается места и часто остается без всяких средств к существованию; а тихоновец-пропагандист ликует. У нас на примете два священника-обновленца, люди семейные, более полгода остаются без места, тогда как вакантных мест очень много; но... Вот каково положение священника обновленца в нашей окраине «грустна эта песня, но истина в ней».

Наблюдатель Свящ. Н. Ларин.

С. Липяги 30/УІ — 26 г.

Современная язва обновленческого прихода.

(Борисог. у. Тамбовской губ.)

Некоторые склонны думать, а пожалуй, и утверждать, что распространение староцерковничества и закрепление его в приходах нашей деревни почти всецело зависит от священно-церковно-служителей, и в этом смысле называют последних «слепыми вождями», ведущими слепых. Правда, священники действительно являются таковыми; но вот вопрос, всегда ли они добровольно принимают это начальство и все ли одинаково несут этот ярем. Далеко нет. Мы знаем очень многих священников, перешедших в тихоновщину под давлением обстоятельств и таких не мало. Они священствуют, буквально скрепя сердце. Нужно заметить, что переход в староцерковничество, по большей части совершается по инициативе самих прихожан, и таких приходов, где насадителями его являлись бы священники, очень мало. Пастыри в этом случае идут в большинстве своем в хвосте народных масс и идут зачастую по необходимости; идейных тихоновцев-священников — по крайней мере — в нашей окраине не совсем немного: большинство из них или колеблются или служат, как невольники. Очень часто по должности благочинного мне приходилось говорить с теми, которые в угоду прихожан служат «по старому», но служат буквально нехотя. Нередко можно было слышать от таких пастырей искреннюю исповедь «поверьте мне», — восклицают они обыкновенно — я в душе и сердце обновленец, но необходимость заставляет меня поступать против своих убеждений; ведь нужно же чем-нибудь питаться, нужно кормить семью. Если я поступлю по своему убеждению, то останусь без куска хлеба. Будь я один, я, пожалуй, не посмотрел ни на что, а то вот, страха ради иудейска, приходится поступать (жить) по пословице: «с волками жить, по волчьему выть», приходится делать то, что я в душе ненавижу». Подобные тирады некоторые произносили чуть ли не со слезами на глазах, так что трудно усомниться в искренности их слов. Отсюда ясно, что большинство священников, как мы уже упомянули, склоняются на сторону тихоновщины прямо-таки под давлением обстоятельств. Идейный тихоновец я есть вместе с тем и миссионер староцерковничества, каковым, например, является протоиерей соседнего с нами села Шевалевский. Он

не только распространяет староцерковничество в среде своих прихожан — он предпринимает поездки и пешие хождения по чужим приходам. Для вящего распространения своих идей этот, почтенный служитель церкви не стесняется ни в каких средствах: он клеветает, грязнит и всячески порочит пастырей-обновленцев, и миссия его проходит не безуспешно...

А вот обновленческий приход; жители его почти все сочувствуют своему священнику и охотно следуют его внушениям. Но появляется между прихожанами какой-нибудь Василий Авдеевич, — бывший торгаш, кулак. Такому прихожанину обновленчество далеко не по душе: он вспоминает блаженные для него «старые времена», когда стар и млад кланялись ему в пояс. А теперь? Конечно, такому человеку одно слово «по-старому» очень дорого. Он желает быть тихоновцем не ради тихоновщины, а ради только одного «постарому». Подобные Авдеевичи, имя которых легион, составляют поистине неисчислимую «язву» обновленческого прихода. Эта больная овца, которая в состоянии заразить все стадо распространением своих тлетворных идей.

„Зачем поминают такого-то архиерея-обновленца“, вопрошает он окружающих его: «ведь этот архиерей — коммунист безблагодатный, он носит даже красные штаны. Я скоро совсем брошу ходить в церковь и не буду принимать священника в свой дом с молебном. В соседнем селе совсем иное, душа радуется: там служат по старому, — поминают такого-то архиерея... В церковь, конечно, он ходить не перестает, но только не для молитвы, а для возмущения своих односельцев. Он озлоблен до крайности, но не думайте — по делам церкви; нет, он озлоблен на весь мир за то, что его поставили в положение развенчанного кулака. В приходе по своим убеждениям он не одинок, — у него есть единомысленники, которые как и он, тоже воют, подобно голодным волкам в зимнюю пору.

«Успокойся, Авдеевич», — утешают его: «ведь и у нас служат одинаково, как прежде и как в других приходах». Но успокоения остаются тщетны: Авдеевич продолжает изображать из себя язву, раз'едающую целостность общины, и увеличивать собою кадр врагов многострадального обновленческого духовенства.

Угроза местному православию со стороны тьмы и невежества.

(Из Борисоглебского уезда).

«Если слепец поведет слепца, — оба упадут в яму».

Духовенство нашей окраины, всецело занятое борьбой между собою, — борьбой староцерковничества с обновленчеством, — нисколько не замечает, какая опасность грозит всему нашему местному дорогому Православию. Темнота и невежество — эти родные сестры — всегда были, есть и будут врагами истинной веры. Не они ли породили в недрах нашего отечественного православия раскол и всевозможные секты, имя их же легион. Такие-то вороги надвигаются на св. Церковь православную и

в нашей окраине. Мы не говорим здесь о пасомых, у которых суеверие настолько переплетается с верою, что совершенно немисливо провести границу между истинным путем спасения и путем заблуждений, — нет, здесь речь касается о тех, кому вверяется водительство этой темной массы. Пастырство наше в деле духовно-нравственного просвещения с неимоверною силою стремится к регрессу, уподобляясь телу, катящемуся по наклонной плоскости. Уже начали слепцы водить слепых. Факты на лицо. Если священник уверяет вас, что благочинный низвел на него благодать священства, в присутствии которой в себе он

сомневался, — не слепец ли в делах веры подобный пастырь? Не во тьму ли кромешную ведет он вверенные ему души человеческие? Перед нами иерей, лишенный всякого образования, но преисполненный антихристианского самомнения (это по духу времени), удостоивается звания благочинного. Это уже слепец в квадрате. Что же возвело его на степень благочинного? Только и только часто повторяемые им слова: «православие лишь в староцерковничестве». «Бог гордым противится», это всецело исполнилось на нем: он предался излишества и сделался предметом справедливых газетных выпадов, позорящих в лице его и все окружающее его священство.

Мало уже остается лиц, получивших специальное семинарское образование; их остается лишь столько, сколько уцелевших колосьев на скошенной ниве. На их места спешат люди, ищущие в священстве только пропитания и удовлетворения своих честолюбивых замыслов. Старые дьяконы, дьячки, «не стяжавшие от юности своей разума высока», — вот их преемники, — вот слепцы в кубе. На ряду с этими сеятелями духовной тьмы рука об руку идет черное духовенство — монашество, для которого ангельский образ давно уже является потерянным раем. Некоторые из этих последних, более добросовестные, поженились, а большинство, боясь угрозы староцерковничества, оста-

ются небрачными, но на правах римско-католических ксендзов, которые держат при себе женский пол без определенных названий. А это уже прямые сеятели безнравственности. Конечно, не все и монашествующие таковы. Только нужно прибавить еще, что истинные монахи приходского священства стараются, по возможности, избегать.

Никогда народ наш не сознавал с такою силою необходимость проповедничества, как в настоящее время. Потребность слышания живого слова с кафедры церковной теперь стала насущною. Но кто утолит этот духовный голод? Правда, и теперь мы слышим проповеди. Но — какие? Проповеди, чаще всего не соответствующие духу времени. Православный простолоудин это чувствует и сердечно желает выйти из этого тупика, но ему говорят: — «берегись, чадо, — это не по старому». Всякое проявление истинного света тьма духовная старается чем-нибудь унизить, не разбирая средств и прибегая даже к явной лжи. В Борисоглебске проповедывал на днях митрополит Введенский. По селам полетели слухи, что проповедник считает Иисуса Христа простым человеком. Откуда эта нелепость? Кто автор ее? Догадаться не трудно; это те, кому свет истины так же невыносим, как лучи солнца для больных глаз,

ГОЛОС ИЗ ПРОВИНЦИИ.

Состояние сектантства в нашей окраине.

(Из Борисоглебского уезда, Тамбовской губ.)

В то время, когда наше „всероссийское православие“, разделившись на ся, волнуется, мутится, не находя времени позаботиться о своем внутреннем благоустройстве, — овцы, „яже не суть от двора сего“, — сектанты энергично действуют в деле свращения чад нашей Матери Церкви в свое упование. Их главари раз'езжают повсюду, открывают собрания и громко призывают заблудивших, — по их понятию, — на путь спасения. Пропаганда их настолько успешна, что не оставляет желать лучшего. Переход православных в баптизм совершается массами; это в особенности испытало на себе православие гор. Борисоглебска, где староцерковничество держится самым упорным образом; в этом городе не существует ни одной обновленческой церкви. Борисоглебские староцерковники всецело заняты борьбой с обновленчеством. В этой борьбе проявляется по временам и „дикий фанатизм“. В городе умирает священник-обновленец. Тихоновцы признавали в нем только диаконство, поэтому отказали ему в выдаче священнического облачения. Благочинный городских церквей о. Сергиевский выдал облачения на покойного; но за это был немедленно лишен благочинничества. Если тихоновцы не дают пощады даже мертвым, то можно ли ожидать от них чего-либо доброго живым обновленцам? При таком настроении городского духовенства возможна ли борьба с сектантством? Конечно, нет. Тихоновское духовенство упорно уклоняется от призыва его на собрание обновленцами. Чтобы доказать ложность того или другого учения, св. отцы Вселенских и Поместных Соборов не чуждались являться на собрания и в присутствии самих ересиархов. Что же можно сказать в данном отношении о тихоновцах? К ним всецело, кажется, приложимы слова Евангелия, относящиеся к фарисеям: „не видиша в претор, да не окверняется, но да едят пасху.“ Какою недостижимую нравственною чистотою нужно обладать, чтобы безнаказанно думать о себе так, как думает о себе староцерковническое духовенство?!

Сектанство, не встречая никакого противодействия в самом городе, не встречает такового и в уезде. Проникнутые всецело

маниею величия, их проповедники сравнивают свое учение с лучами солнца. „Свет воссиял на вас“, говорил один баптистский учитель во время своей проповеди в поселке „Волконское“. Но при всем внешнем благоустройстве своем баптизм далеко не может похвалиться своим внутренним состоянием: разложение его в этом последнем отношении возрастает с заметным прогрессом, в чем баптисты давно опередили православие. В селе Липягах, Борисоглебского у., более 300 домов сектантов и при том различных наименований, здесь есть баптисты, молокане, евангелисты и субботники. Случаев обращения в сектантство православных за последнее время почти не замечается; наоборот, пишущему эти строки (священнику) самому пришлось присоединить и окрестить трех лиц. Не в далеком будущем предвидится и четвертое лицо.

Атеизм процветает наиболее в баптизме; нравственная распущенность, выходящая из пределов всякого благоприличия, тоже не чужда духовным христианам и в особенности молодому поколению. На это жалуется и сам местный пресвитер. Кроме Липягов, много сектантов в с. с. Песках, Кисельном, Дерядкине и др. Одним словом, едва ли найдется хотя одно село в Борисоглебском уезде, где бы не было сектантов.

Кому же выступать на защиту православия?

Староцерковники всецело заняты борьбой с обновленческим движением: обновленцы в нашем уезде очень редки, как приходы. Таким образом местное Православие остается совершенно беззащитным. Пусть баптизм разлагается внутренно, но он все-таки силен: его твердыня — единство, чего недостает у нас, православных. Существуют разделения и в баптизме, но не так заметны, как у нас, отдаляющихся друг от друга из-за одного только названия „староцерковник“ или „обновленец“. Баптист всегда остается баптистом, верным своему призванию свращать православных в свое упование. Они, сектанты имеют частое общение между собою.

А мы?..